

ПОКА НЕ ЗАМЕРЗНЕТ АД

18+

К.С. МОРГАН

К.С. Морган

Пока не замерзнет ад

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Морган К.

Пока не замерзнет ад / К. Морган — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда Хейзел похищают из её дома, меньше всего она ожидает, что станет любовницей Эйдана — холодного человека, помешанного на своей работе. И тем более она не ожидает влюбиться в него, тем самым став заклятым врагом его лучшего друга. Жизнь Эйдана вращается лишь вокруг исследования Ада. Когда Хейзел появляется в его доме, она приносит с собой цвета, о яркости которых он давно позабыл. И когда она хочет уйти, Эйдан не может её отпустить. Вскоре его исследование приобретает новое значение, и Эйдан надеется завершить его и удержать Хейзел рядом. Но уже может быть слишком поздно. Второй шанс дается только тем, кто готов за него заплатить.

Все права защищены. Никакой фрагмент этой книги не может быть использован без соответствующего разрешения издателя, за исключением случаев, предусмотренных законом о правах на интеллектуальную собственность в США. Эта электронная версия книги создана для личного использования, возможность перепродажи или передачи её другим людям исключается. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим человеком убедительно просим вас приобрести отдельный экземпляр. Если вы читаете эту книгу предварительно её не купив, просим вас вернуться на Amazon.com и исправить это. Благодарим вас за понимание и уважительное отношение к труду автора книги и команды, работавших над ней.

Эта книга является художественным произведением. Имена, герои, места и события представляют собой плод фантазии автора и используются в художественных целях.

Дизайн обложки Анна Рябова

Глава

1

7 ноября 1935 года.

Новый Орлеан, Луизиана.

Для Нового Орлеана ноябрь был куда холоднее обычного.

Хейзел вздрогнула и посмотрела на голые деревья вокруг. Она любила Тибодо. Это место было удивительно красивым, особенно летом, когда всё становилось настолько ярким и красочным, что она не могла остановиться, не нарисовав каждый квадрат вдохновляющей ее природы. Сейчас же всё выглядело таким пустынным, что сколько бы Хейзел не всматривалась, пытаясь ощутить то знакомое воодушевление, тот бурный поток эмоций, она не чувствовала ровным счетом ничего.

Иногда она ненавидела зиму.

Вздыхнув, Хейзел еще раз взглянула на мертвую природу вокруг себя, развернулась, чтобы направиться к дому, но неожиданно остановилась.

Что-то было не так.

Медленно обернувшись, она внимательно осмотрела сад. Возможно, дело было не в холоде и не в унылом пейзаже. Может быть, здесь присутствовало нечто совсем другое – что-то, что Хейзел не заметила сначала, но что она не могла игнорировать сейчас.

– Эй? – позвала она нерешительно. Не получила ответа и нервно облизала губы. Ее не покидало странное чувство – даже наоборот, оно становилось всё сильнее. Хейзел обняла себя за плечи, глубоко вздохнув и закрыв глаза, прислушалась.

Всё было тихо. Ее бабушка готовила дома ужин, процесс сопровождался привычными громкими звуками, но это было не тем, что привлекло ее внимание. Нет, здесь было что-то еще. Что-то, чего она еще не видела.

Может, у нее просто разыгралось воображение?

Хейзел уже была готова остановиться на воображении, как внезапный шум слева от нее нарушил тишину, почти заставив ее вскрикнуть от неожиданности. Широко раскрыв глаза, Хейзел сделала шаг назад, но как бы внимательно она ни глядявалась в темноту, она не могла найти источник звука.

– Кто здесь? – прошептала она, не надеясь получить ответ. Конечно, это всё еще могло быть ее воображение. Ее бабушка всегда говорила ей, что она другая, что она видит вещи не так, как их видят другие люди, но...

Хватит.

Достаточно.

– Хейзел, ты ведешь себя нелепо, – прошипела она, злясь на себя и на чувство паники, из-за которого сердце громко билось в груди. Чувство, которое заставляло все ее тело биться легкой дрожью, как будто она готовилась к бою. Она никогда раньше не чувствовала себя такой встревоженной, и из-за чего бы? Каких-то воображаемых ночных демонов?

Хватит. Пора идти домой, подальше от этой гнетущей тьмы. Как по сигналу, она услышала хриплый голос своей бабушки:

– Хейзел? Заходи уже в дом! Ужин стынет!

– Я иду! – закричала она. Не позволяя больше своему нелепому страху управлять ей, Хейзел двинулась по направлению к дому сознательно медленным шагом, уверенно расправив плечи.

– И принеси мне книгу, которую ты так любишь. Я, наконец, решила попробовать почитать ее. Раз уж моей внучке так...

Хейзел так никогда и не услышала то, что хотела сказать ей Эбигейл. Чья-то крепкая рука зажала ей рот, а в следующий миг ее потащили прочь от дома, в темноту.

Новый Орлеан

Донфэйр Буш

Охваченная ужасом, Хейзел даже не поняла, что тележка перестала двигаться. Когда высокий и мрачный мужчина протянул ей руку, чтобы помочь сойти, она просто уставилась на него, не в силах пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы что-то сказать.

– Ну же, – наконец огрызнулся он. – Чем быстрее мы попадем внутрь, тем лучше. Слишком холодно, чтобы здесь стоять.

Попасть внутрь? Внутрь чего?

Хейзел моргнула, стараясь сбросить с себя парализующий страх, чтобы сконцентрироваться и понять, где она. Она нерешительно взяла протянутую руку и шагнула на замерзшую землю.

Теперь она могла видеть большой, мрачный дом, возвышающийся над ними. Почти все окна были темными, и Хейзел задрожала. Ее сердце сжалось при одном виде этого места, словно пытаясь предупредить ее о чем-то.

Почему-то дом казался еще страшнее, чем вся эта мучительная поездка сюда.

Единственное, что хотела сделать Хейзел, это вырваться на свободу и убежать как можно дальше отсюда. Она понятия не имела, зачем ее привезли и что с ней собирались делать, но она была уверена, что было бы лучше заблудиться в странном лесу, который окружал эту местность, чем увидеть то, что произойдет за тяжелой входной дверью.

– Что вам от меня нужно? – выдавила она из себя, но мужчина, крепко державший ее за плечо, лишь раздраженно закатил глаза и постучал по твердой поверхности.

Дверь открылась через несколько мгновений, и миловидная женщина средних лет спросила:

– Вы уже вернулись, Мистер Брелари?

– Да, Тиффани, – коротко ответил он, грубо потянув Хейзел за собой. – Всё готово?

– Конечно! – голос женщины звучал почти оскорбленно. – Вам пора бы поверить, что я всегда делаю именно то, что от меня требуют. Вы ведь далеко не в первый раз приводите сюда очередную бедную душу.

Мужчина вздохнул, но промолчал. Хейзел уставилась на Тиффани, которая казалась милой... даже безопасной. Попыталась безмолвно попросить помощи, но женщина намеренно избегала смотреть на нее.

– Пойдем, – приказал резко Брелари, волоча Хейзел к лестнице.

– Куда вы меня ведете?

Хейзел было противно осознавать, что ее голос дрожал. Бабушка всегда учила ее оставаться спокойной в любой ситуации, и Хейзел верила, что сможет контролировать себя, несмотря ни на что. Она часами представляла себе разные сценарии и была абсолютно уверена, что останется хладнокровной и спокойной независимо от обстоятельств... но теперь она осознала, что это были лишь иллюзии. Она обманывала себя, думая, что сможет оставаться благоразумной, когда произойдет что-то по-настоящему пугающее. Правда в том, что за все 22 года своей жизни она никогда не чувствовала себя настолько испуганной.

Брелари вел ее через какой-то узкий коридор, как вдруг одна из дверей отворилась и на пороге появился другой темноволосый мужчина, держащий в руках книгу.

– Эйдан! – Несмотря на свое оцепенение, Хейзел была удивлена услышать настоящее тепло в голосе своего похитителя. – Я не ожидал увидеть тебя сегодня.

– Я тоже, – ответил мужчина, рассматривая Хейзел. Его губы презрительно искривились. – И это лучшее, что ты смог найти? Правда? Она еще более потрепанная, чем предыдущая.

Хейзел моргнула, пытаясь разобраться во всем, что слышала. Все больше и больше она начинала думать, что попала в какой-то параллельный мир, где всё и все сошли с ума. Она понятия не имела, что со всем этим делать.

– Я думаю, что ты становишься придиричивым, – фыркнул Брелари, также глядя на нее. – У нас не такой уж и широкий выбор.

– Ну, полагаю, она подойдет, – Эйдан равнодушно пожал плечами и сосредоточился на книге, которую держал в руках. – Зайди ко мне в кабинет, когда закончишь, нам нужно кое-что обсудить.

– Хорошо. Шевелись.

Последние слова были обращены к Хейзел, поэтому она вновь двинулась вперед, пытаясь вспомнить, как нужно передвигать ноги, ставшие внезапно тяжелыми.

Они подошли к другой двери и Брелари, достав ключ, открыл её.

– Давай, – сказал он, слегка подтолкнув ее. – Входи.

Хейзел неохотно повиновалась, но остановилась в нескольких шагах от двери, глядя на Брелари. В ней боролись страх и гнев, и в конце концов, она послала свирепый взгляд этому мужчине, который, по-видимому, считал, что быть богатым означало, будто он имел право делать всё, что захочет.

– И что теперь? – спросила она, стараясь казаться беззаботной.

– Теперь? – Брелари ухмыльнулся. – Теперь ты можешь наслаждаться своим пребыванием в этом прекрасном месте. Увидимся позже... а может и нет. Кто знает?

Еще одна волна страха прокатилась сквозь Хейзел, заставив ее содрогнуться, и должно быть, Брелари это заметил. Он засмеялся, холодно и насмешливо, прежде чем захлопнуть дверь.

Сначала Хейзел стояла неподвижно, ничего перед собой не видя. Было абсолютно темно и она не знала, куда двигаться или что могло ее ждать в каждом из углов. Через несколько минут ее глаза начали привыкать, поэтому Хейзел медленно подошла к стене и коснулась ее поверхности. Прочная и холодная, как и всё это здание. Здесь не было ни окон, ни стульев, ни кроватей, ничего. Просто пустая, маленькая, холодная камера.

Хейзел почувствовала, как глаза наполняются водой. Попыталась сдержать слезы, но не смогла, поэтому просто опустила на пол, обнимая колени, пряча в них свое лицо и тихо плача.

«И что теперь?» – подумала она, на этот раз не ожидая, что ей кто-то ответит.

Хейзел не была уверена, когда именно закончилась ночь, и удалось ли ей поспать больше часа. Даже открыв глаза в десятый раз, она всё еще чувствовала усталость и истощение.

Она бы попыталась снова уснуть, но вдруг заметила, что в ее камере не так темно, как было раньше. Удивленная и преисполненная странной надежды, она встала и направилась в другой угол, смотря вверх.

Окно. Крошечная, едва заметная дыра, сквозь которую пробивался холодный утренний свет. Она была слишком мала, чтобы нормально освещать комнату, но для Хейзел этого было более чем достаточно. По крайней мере, теперь она могла видеть свои руки – не совсем хорошо, но и это радовало по сравнению с тем, что было час назад.

Оглядев камеру, Хейзел заметила еще кое-что. Ведро, стоящее в одном из углов, и зеркало средних размеров, висящее возле двери. Ощувив укол любопытства, Хейзел подошла ближе, чтобы рассмотреть свое отражение. Она выглядела бледной и загнанной, как будто не спала неделями, а не одну ночь.

По какой-то причине, только увидев себя в отражении зеркала, Хейзел с болезненной ясностью поняла, что происходящее реально. Ее похитили, украли из ее дома, у единственного человека, которого она любила больше собственной жизни.

Почему? Что все эти люди могли хотеть от нее? Она не была ни богатой, ни особенно умной. Единственное, что было достойно внимания, это ее умение рисовать.

Но кто бы похитил кого-то из-за такого? Это было бессмысленно.

Хейзел заставила себя медленно вдохнуть и выдохнуть, и через несколько мгновений в ее груди разлилось чувство спокойствия, обволакивая ее временной сетью безопасности.

Ей надо было подождать и посмотреть, что произойдет. Кто-нибудь придет за ней рано или поздно. Возможно, этот Брелари, или кто-то другой... кто-нибудь. Она всё еще не знала, почему ее похитили, но какова бы ни была причина, некоторые части загадки должны были скоро проясниться. *Должны*. И тогда она сможет решить, что делать. Надеяться или отказаться от надежды.

Поможет ли молитва в такой ситуации?

Хейзел долго рассматривала окно, закусив губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Сильное, почти сводящее с ума желание жить вдруг захлестнуло ее. Желание снова увидеть бабушку, рисовать, лежать в своей маленькой, но знакомой кровати, где она часами думала, мечтала, улыбалась и плакала над очередной книгой.

Она всегда принимала это как должное. Теперь же она бы отдала всё, чтобы вернуть эти крошечные, счастливые моменты, пусть даже на мгновение.

Казалось, прошли годы, прежде чем Хейзел наконец услышала звук решетки. Она подняла глаза, глубоко вздохнув, приготовившись к тому, что надвигалось. Лучик надежды неуверенно поднял голову, шепча, что сейчас, в считанные минуты, она поймет, что происходит.

Ее надежды рухнули, когда она поняла, что дверь так и не открылась. Вместо этого она увидела, как чья-то рука протолкнула две собачьи миски через отверстие в нижней части двери в ее камеру. Затем рука исчезла и раздался еще один громкий треск.

Разочарование было настолько сильным, что почти подкосило ее. Задыхаясь, Хейзел опустилась на пол, пытаясь остановить свой отчаянный крик, полный ярости.

Она была так уверена, что всё станет ясно, но всё, что у нее теперь было, это собачья миска... две миски. Что вообще в них было?

Хейзел сделала несколько шагов к двери и заглянула в них. Первая миска была полна какой-то неаппетитной еды. Хейзел не была придирой – она и ее бабушка выживали, а не жили, поэтому она привыкла к простой еде.

Но *это*?

Это нечто было просто отвратительным. Запах был настолько отталкивающим, что желудок Хейзел протестующе сжался. Пытаясь не потерять его содержимое, она посмотрела на вторую миску и увидела воду. Схватив ее, Хейзел отправилась в самый дальний угол своей камеры, как можно дальше от ужасной еды.

Уставившись на воду, она не могла не задаться вопросом, почему Брелари, или кто там был, не дали ей обычный стакан. Почему собачья миска? Чтобы подчеркнуть ее положение? Чтобы еще больше ее унижить? Ну, если это было их целью, то им придется постараться получше. Хейзел, возможно, не была готова к такому повороту в своей жизни, но она была сильной. Она сможет выжить и остаться в здравом уме, даже если они планировали оставить ее в этом маленьком, грязном, темном месте навсегда.

В конце концов, это всего лишь время, а ей было, для чего жить и за что бороться.

Пять или около того дней спустя, Хейзел была готова взять свои слова назад. Она потеряла всякую возможность отслеживать время и постепенно, скука и отчаяния заполняли ее, заставляя ломаться внутри и снаружи. Она ничего не могла сделать, чтобы замедлить этот процесс.

Ночью в камере было так темно, что она абсолютно ничего не видела. Иногда казалось, что вместе со светом исчезал и воздух, заставляя Хейзел просто лежать на грязном полу, дрожа от холода и борясь за каждый вдох, умоляя свое сердце перестать биться так быстро. После двух или трех дней голодания она наконец начала есть отвратительную неизвестную смесь, которую ей приносили каждый день. В первый же раз ее немедленно вырвало, но теперь она ненавидела себя за допущенную слабость. Не было никого, чтобы убрать вонючую лужу блевотины, поэтому Хейзел просто пыталась игнорировать вонь, несмотря на то, что она становилась всё хуже с каждым днем.

Может, она додумывала то, чего не было в действительности, но знание этого не изменяло запаха. Первые три раза после еды она позволила себе дать волю слезам, но была вынуждена прекратить, осознав, что погрязая в жалости к себе, она убивала себя еще быстрее, чем помои, которыми ее кормили.

Ей абсолютно нечего было делать, поэтому она ходила по камере, думала обо всём на свете или пела. Это выглядело жалко, так как у нее не было голоса для пения, но каждый звук, который заполнял пустоту и нарушал тишину, был для нее ценным подарком. Когда Хейзел совсем отчаялась, она стала царапать ногтями каменные стены или пол, пытаясь создать подобие рисунка. Это не принесло никакого нормального результата, и единственное, что она получила в итоге, была кровь из-за ее сломанных ногтей. Поначалу она не обращала внимания, но затем начала чувствовать, что приближается к грани безумия, поэтому заставила себя остановиться.

Хоть и с трудом.

Хейзел часто думала о своей бабушке, вспоминая то, как она учила ее читать и писать, или как делала для нее игрушки. Тепло ее прикосновений, когда она обнимала ее, запах липы и старых книг, смешанный с чем-то еще, с чем-то *бабушкиным*. Хейзел чувствовала это каждый раз, когда Эбигейл склонялась над ее кроватью, чтобы поцеловать ее на ночь и уложить спать. Она любила ее – бабушка была ее материнской фигурой и даже больше. Она была ее лучшим другом, ее сестрой, ее наставником... она была всем, целым миром. Благодаря ей,

Хейзел никогда не чувствовала одиночества и никогда не нуждалась в друзьях. У нее было несколько, но ни один из них и близко не подошел к тому, чем была для нее бабушка.

Она ужасно скучала по ней. Но больше всего Хейзел боялась, что теперь, без нее, бабушка будет совершенно убита горем. Ей было 62 года, и хотя ее здоровье всегда было завидным, исчезновение единственной внучки могло повлиять на него в худшую сторону.

Хейзел даже думать об этом не хотела.

Еще одна вещь, которая сводила ее с ума, было зеркало. Это пустое, страшное, большое зеркало, которое она ненавидела всем сердцем. Оно ее пугало. Не само зеркало, но смысл, который оно имело для нее ... потому что чем больше дней проходило, тем более заманчивым оно начинало выглядеть. Идеальный способ покончить с ее отчаянием навсегда, не так ли? Как легко было бы разбить его, может быть, создать последнюю, нарисованную кровью картину, а затем использовать один из осколков, чтобы положить конец всему.

Смерть уж не казалась такой страшной, как Хейзел думала раньше. Скорее, она была избавлением, мирным местом, где не было страха и печали, или собачьих мисок, наполненных омерзительной едой.

Эти мысли были одновременно завораживающими и ужасающими, и они пугали Хейзел даже больше, чем неопределенность этого места. Вот почему она старалась не смотреть в сторону зеркала. Она притворялась, что его просто не существует, и в течение некоторого времени ей удавалось верить в это.

Однако через несколько дней эта вера пошатнулась. Она больше не могла себя обманывать.

Она устала. Она чувствовала себя старой. Она больше не чувствовала себя человеком. Она превращалась в сумасшедшее животное в клетке, и такая версия себя была ей ненавистна.

Хейзел медленно встала и подошла к зеркалу. Впервые за целую неделю, может и дольше, она увидела свое отражение, и она уставилась на него во все глаза, не в силах поверить, что это она. Ее красивые длинные каштановые волосы теперь были тусклыми, жирными, и уродливыми. Ее глаза, которые обычно оттеняли темно-зеленый цвет, теперь выглядели тусклыми и блеклыми, пустыми.

Она была ужасной. Непривлекательной. *Отвратительной.*

Если она чувствовала себя животным, то выглядела еще хуже. Ее кожа и голова ужасно зудели и она так отвратительно воняла, что ее тошнило от самой себя.

Глубоко вздохнув, Хейзел медленно отвернулась от зеркала. Это было самое трудное решение в ее жизни, поэтому она крепко сжала губы и отошла на шаг. Затем на второй. На третий.

Она не собиралась убивать себя. Нет. Может позже, через несколько дней, она снова передумает, но сейчас... нет. Было слишком рано. Она еще не сломалась. Она должна была держаться, если не ради себя, то ради бабушки. Она должна была поверить, что придет день, когда они встретятся снова.

Хейзел снова села на пол и прижала колени к груди.

Еще несколько дней.

Вечер наступил так же медленно, как и всегда, и Хейзел медленно моргала, готовясь заснуть, когда что-то резко нарушило ее покой.

Шум. Такой громкий шум, что она чуть не подпрыгнула от испуга и недоумения, не в силах понять, что происходит. В это время ее не кормили, так что...

Широко распахнув глаза, Хейзел уставилась на дверь.

Дверь открылась. Действительно открылась.

Когда она увидела высокого мрачного мужчину, ей потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить его имя. *Брелари*. Тот, кто привел ее в этот ад.

– Пойдем, – холодно сказал он ей. – Мой хозяин ждет тебя.

Хозяин? Ждет ее?

Все еще ошеломленная, Хейзел медленно двинулась к нему. Она не была уверена, был ли это только сон, но если так, то она не хотела просыпаться. Всё было лучше, чем пустота, которую она испытывала всё это время.

– Шевелись! У нас нет времени! – рявкнул Брелари. Хейзел покачала головой.

– Я... я не понимаю, – сказала она. – Кто вы такой? Куда мы направляемся? Почему?

– Эйдан объяснит всё, что тебе нужно знать.

Эйдан. Она уже где-то слышала это имя.

– Кто такой Эйдан? – осторожно спросила она. Брелари вздохнул, очевидно, раздраженный ею.

– Владелец этого места. Мой хозяин и близкий друг.

– Хозяин и друг? – Проведя столько времени в одиночестве, Хейзел не могла нормально думать. Разница между настоящим моментом и часом назад была ошеломительной, поэтому всё казалось ей размытым.

– Но я выгляжу... я должна... – Хейзел поняла, что начала бормотать бессмыслицу, поэтому замолчала. Однако она и правда не хотела встречать хозяина этого проклятого места в таком виде. Она чувствовала себя уязвимой и грязной, совершенно недостойной. Она знала, что это не ее вина, но желание ополоснуться было почти невыносимым.

– Кого волнует, как ты выглядишь? Ну же! – Брелари схватил ее за руку и потянул к лестнице.

В очередной раз Хейзел испытала это знакомое, мучительное чувство.

Страх.

Глава 2

Брелари остановился перед одной из дверей и резко постучал.

– Входите, – ответил изнутри мужской голос. Брелари открыл дверь и пустил Хейзел первой.

Комната была наполнена светом, поэтому Хейзел быстро заморгала, не в состоянии нормально видеть. Проведя так много времени в почти полной темноте, ее глаза болели, и на мгновение страшная мысль о слепоте пришла ей в голову. Силой вынудив себя перестать паниковать и глубоко вздохнуть, Хейзел на секунду закрыла глаза, а затем снова их открыла. Видеть всё еще было трудно, но по крайней мере, теперь она могла различать большинство вещей.

Комната была красивой, просто удивительной. Хейзел никогда не видела ничего даже отдаленно похожего на это – самое близкое, возможно, были музеи, куда она и ее бабушка ходили время от времени, когда она была ребенком и когда у них еще были деньги, чтобы позволить себе такую роскошь, как поездку в город.

Мягкий ковер кофейного цвета покрывал пол. Здесь было несколько книжных шкафов из темного дерева, большой стол с двумя изысканными подсвечниками сверху, два уютных кресла, причудливая люстра и, самое главное, картины. Многочисленные картины, покрывающие стены, самых разных размеров. Хейзел была так очарована, что почти забыла, где она и что происходит. Было также два больших окна, но Хейзел не могла видеть то, что было позади них, из-за темноты снаружи.

– Тебе нужно что-нибудь еще? – голос Брелари заставил ее вздрогнуть и вернуться к реальности.

Иногда ее собственная глупость удивляла ее. Как можно было так отвлечься, глядя на картины, когда ее жизнь была в опасности? Это часто расстраивало ее бабушку – в какой-

то момент она даже призналась, что боялась, что с Хейзел случится что-то плохое из-за ее творческой беззаботности.

Возможно, ее бабушка была права.

– Нет, достаточно. Спасибо, что привел ее. Ты можешь идти, – ответил всё тот же бесцветный голос, и впервые Хейзел сосредоточила свое внимание на другом мужчине в комнате. Он стоял у окна со стаканом чего-то красного в руке и она поняла, где именно видела его раньше. Прямо здесь, перед тем, как Брелари запер ее в том ужасном месте. Он сказал что-то о том, что она “еще более потрепанная, чем предыдущая.” Хейзел не была уверена, что означает его комментарий, но у нее было чувство, что он был крайне оскорбительным.

Брелари тихо закрыл дверь и Хейзел замялась в нерешительности под пристальным взглядом. Этот человек, Эйдан, заставлял ее чувствовать себя некомфортно. Хейзел никогда раньше не видела такого темного цвета глаз, и она не была уверена, что он настоящий. Что-то в Эйдане напрягало ее, поэтому она постаралась не смотреть на него. Однако как только он заговорил, ее голова взметнулась вверх почти произвольно.

– Как тебя зовут?

Такой простой вопрос. Разве он уже не знал ответа?

– Хейзел, – тихо ответила она, чувствуя себя странно-маленькой. Ей не место в этой комнате. Не сейчас, когда она была грязной и вонючей. Но кто в этом виноват? Брелари упомянул, что Эйдан был владельцем этого места. Значит, именно он разрушил ее жизнь, какой она ее знала? Это из-за него ее похитили?

– Я бы сказал, что рад познакомиться с тобой, но это было бы ложью, – произнес Эйдан. Хейзел сердито сузила глаза, но умудрилась промолчать. Она должна оставаться осторожной, пока не поймет, с кем имеет дело.

– Полагаю, у тебя есть вопросы, – Эйдан медленно подошел к креслу и сел. Затем указал на соседнее. – Можешь присесть.

– О, благодарю, вы очень добры! – огрызнулась Хейзел. Она ничего не могла с собой поделать, не могла справиться с ненавистью, медленно закипающей внутри. Ненавистью к этому высокомерному человеку, который явно думал, что он неприкосновенен и только рассмешен ее яростью.

– Меня зовут Эйдан. Я...

– Да, мне это уже известно.

Внезапно все следы веселья исчезли с лица Эйдана. Он наклонился ближе к Хейзел и угрожающе приглушенным голосом сказал:

– Не перебивай меня. *Никогда*. Я знаю, ты понятия не имеешь, какие правила в этом доме, но не повторяй одну и ту же ошибку дважды. Тебе не понравятся последствия.

Хейзел прикусила губу и кивнула. Она была смущена, напугана, и ее всё еще колотило от ярости. Почувствовав, что ее руки дрожат, она спрятала их в складках юбки.

– Это место называется Доунфэйр Буш, – Эйдан сделал глоток из своего стакана и спокойно посмотрел на нее. – Я его владелец. Я говорю, что происходит, когда это происходит, и кто это делает. Все мы здесь ведем спокойную жизнь... в основном, – его губы искривились в ироничной улыбке. – У меня есть слуги и несколько близких мне людей. Как Бенджамин, который привел тебя сюда. Они верны мне и поэтому они в безопасности. Если ты хочешь нормальной для себя жизни, то ты тоже будешь мне верной. Я даю тебе свободу принять собственное решение. Всё зависит только от тебя. Решай сама.

– Решать что? – осторожно спросила Хейзел. – Я ничего не понимаю. Почему я здесь? Чего вам от меня нужно?

– А, – ухмыльнулся Эйдан. – Это другой вопрос. Видишь ли, – он встал и медленно двинулся к камину, – я очень занятый человек. Я провожу определенное... исследование, – Хейзел заметила, как на мгновение в темных глазах Эйдана что-то вспыхнуло. – Я посвящаю ему всё

свое время, поэтому у меня нет ни желания, ни сил искать тех, кто бы позаботился о других моих потребностях. Я не собираюсь тратить время, гоняясь за женщинами и потакая их глупым фантазиям, которые они рисуют в своем воображении. Мне не нужны лишние сложности. Таким образом, Бенджамин организывает поиск. Он выбирает женщин по определенным критериям, приводит одну из них сюда, а потом проверяет ее. Если ей удастся доказать, что она психически стабильна, она останется здесь. Если она проваливает тест ... скажем так, она делает свой выбор. Тебе удалось пройти, поэтому ты здесь.

Хейзел сидела, не шевельнувшись, не в силах поверить в то, что услышала. Когда до нее, наконец дошла правда, она стиснула зубы, бездумно считая в голове, чтобы не взорваться. В конце концов, ярость победила. Хейзел даже не заметила, как спрыгнула с кресла и бросилась на Эйдана, вооруженная лишь своими сломанными ногтями, пытаясь причинить ему боль любым возможным способом.

– Ты ублюдок! – завопила она. – Так вот для чего была вся эта неделя? Ты хочешь любовницу, и поэтому мне пришлось провести целую вечность в той камере, не зная, что происходит, выберешь ли я оттуда живой? Всё только для того, чтобы заставить меня стать твоей любовницей?

– Именно так, – Эйдан грубо схватил ее за руки, и мрачное удовлетворение вспыхнуло внутри Хейзел, когда она увидела, что ей удалось нанести пару успешных прямых ударов. – Как бы ты отреагировала, если бы я сказал, почему ты здесь с самого начала? Ты была бы оскорблена и шокирована. Ты создала бы кучу проблем. Как я уже сказал, мне это не нужно. После одиннадцати дней в камере ты гораздо более сговорчива. На самом деле, ты чувствуешь облегчение, потому что, вероятно, думала о всех возможных неприятных вещах, которые могли бы произойти с тобой здесь. Хочу предупредить, что они всё еще могут случиться. Если ты будешь себя адекватно вести, то всё будет хорошо, и однажды ты будешь свободна.

Свободна? Хейзел уставилась на него.

– Что значит, свободна?

– Это еще одна проблема, – Эйдан пожал плечами, – мне быстро все надоедают. В принципе, мне нужен кто-то новый каждые три или четыре месяца. Если я увижу, что тебе можно доверять и что ты приносишь пользу, я не буду держать тебя здесь. Ты вернешься именно туда, откуда Бенджамин похитил тебя. В твою деревушку, насколько я понимаю. Ты также получишь значительную компенсацию за время, проведенное здесь.

– И что? – ярость не убывала – только сводила ее с ума. – Это как выбирать между меньшим из двух зол? Теперь, когда я вижу, насколько жестоким ты можешь быть, я должна быть рада, что всё, что мне нужно, это доставлять тебе удовольствие?

– А разве не так? – Эйдан улыбнулся ледяной улыбкой.

Хейзел закрыла глаза, чтобы успокоиться, прежде чем снова взглянуть на него. Этот ублюдок был прав. Она и правда чувствовала облегчение. Более того, она и правда была счастлива узнать, что будет жить, что не вернется в тот маленький безвоздушный ад одиночества. Теперь, зная, что ей придется только спать с этим человеком, это не выглядело таким страшным. Прежней Хейзел было бы противно то, как она думала сейчас, но за последние одиннадцать дней многое изменилось.

Одиннадцать.

Одиннадцать дней.

Он ни за что не вернется в ту камеру. Она была готова на всё, чтобы этого не случилось.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что были те, кто не прошел тест? —осторожно спросила Хейзел.

Эйдан вздохнул.

– Иногда всякое случается, – уклончиво сказал он.

– Они ... – она с трудом слотнула. – Может быть, зеркало? – Неужели они...

– Да, – в глазах Эйдана не было сострадания, только холодное равнодушие. – Некоторые из них погибли. Как я уже сказал, это был их выбор.

– Выбор? – Голос Хейзел дрожал. Ярость отступила, уступив место негодованию и глубочайшему презрению. – Какой выбор? Ты запер их без надежды и без понимания того, что происходит. Ты кормил их... нас... какой-то отвратительной вещью, которую нельзя назвать едой. Обращался с нами как с животными! Там не было ни света, ни пространства, ни воздуха. Дни были неизмеримы – мне казалось, что прошли годы, прежде чем кто-то, наконец, пришел за мной! Тебе легко сидеть здесь, в окружении этих обожающих идиотов и роскоши, и винить девушек, чья безнадежность толкнула их так далеко, что они покончили с собой. Девушек, которых ты сам сюда привел! Что ты вообще знаешь об этом? Похищать людей, разлучать их с их близкими, просто для того, чтобы удовлетворить себя? Да что с тобой не так?

– Я знаю достаточно, чтобы сказать, что такое поведение жалко, – ответил Эйдан, и его глаза опасно сузились. – Те женщины никогда не смогли бы справиться с реальной жизнью, будучи такими слабыми и самонадеянными. У меня нет к ним сочувствия. Они должны были понимать последствия.

Самонадеянными? Что это значит? О чём они вообще разговаривали?

Это не имело никакого значения. Хейзел прикусила язык, чтобы больше ничего не сказать. Она не хотела думать, как для нее всё закончится, если она снова не сможет себя контролировать.

– Тебе пора идти, – Эйдан наконец отпустил ее руки. – За дверью тебя ждет женщина. Она покажет тебе твою комнату и объяснит, как всё устроено в этом доме. Не нарушай правила и всё будет хорошо. Это понятно?

Хейзел смерила его разъяренным взглядом, но резко кивнула.

– Хорошо, – улыбнулся Эйдан и вдруг сделал шаг ей навстречу. Их лица оказались всего в нескольких дюймах друг от друга и Хейзел почувствовала, как у нее перехватило дыхание от внезапного страха и чего-то еще. Чего-то...

– Ах, – улыбнулся Эйдан и наклонился еще ближе. – До чего скучно и предсказуемо, – прошептал он ей на ухо.

Хейзел замерла, ощущая, как сердце сбилось с ритма в попытке отреагировать на происходящее.

Прежде чем она смогла ответить, Эйдан отошел и сказал тем же низким, холодным голосом:

– Теперь я предлагаю тебе принять ванну. Один только твой запах так отвратителен, чтобы меня тошнит.

Хейзел отпрянула, как будто он ударил ее. Почти дрожа от стыда, смущения и злости, она поспешила покинуть комнату.

Она не думала, что когда-либо испытывала такую глубокую ненависть к кому-либо прежде.

Глава 3

Как только Хейзел закрыла дверь, она увидела в коридоре женщину средних лет, и сузила глаза, внезапно осознав, что видела ее раньше.

– Я знаю вас. Вы присутствовали в прихожей, когда Брелари привел меня сюда.

– Да, верно, – женщина ярко улыбнулась. – Меня зовут Тиффани, я отвечаю за все домашние дела в Доунфэар Буш. Дом слишком велик, чтобы справиться с ним в одиночку, но у меня есть помощница, поэтому я не могу жаловаться. Уверена, тебе здесь понравится, дорогая. Как тебя зовут?

– Хейзел. – Хейзел с отвращением посмотрела на Тиффани. – И я искренне сомневаюсь, что мне понравится это место. Вы, должно быть, бредите, если думаете, что это вообще возможно, учитывая обстоятельства.

– О, – женщина укоризненно покачала головой и вздохнула. – В тебе столько гнева, дорогая.

– Интересно, почему! – Хейзел едва сдержала себя от крика. – И не называйте меня так. Дорогая, дорогая... вы мне не помогли! А могли бы! У вас была возможность, но вы не захотели!

– Всё не так просто, – слегка нахмурилась Тиффани. – Я понимаю, почему ты расстроена. Мне правда жаль, но я ничего не могу сделать, кроме как помочь тебе пережить эти три месяца. Я не поддерживаю Эйдана в том, что он делает, но я ему многим обязана. И веришь или нет, я очень сильно его люблю. Он для меня как сын.

– Какой у вас замечательный сын, – презрительно сказала Хейзел. – Тот, кто должен красть женщин для личного удовольствия, потому что не может найти добровольцев.

– Это слишком грубо, – Тиффани послала ей знающую улыбку. – Эйдан красивый мужчина, но очарования в нём ни грамма, как ты уже поняла. Он холодный и замкнутый, и может задеть кого-то, даже не задумываясь об этом. Я думаю, он просто не хочет тратить время на то, чего не хочет, понимаешь?

– Нет.

– Ну, он... О, это так неловко, – Тиффани слегка покраснела. – У него есть физические потребности, о которых он должен заботиться, но не более того. Конечно, он мог бы обратиться к услугам женщин легкого поведения, но это не то же самое.

– Да. Его Королевское Высочество, вероятно, считает их недостойными своего драгоценного тела, – презрительно отозвалась Хейзел, но Тиффани, похоже, не уловила сарказма.

– Да, отчасти из-за этого, – согласилась она. – В любом случае, почему бы нам не начать обсуждать правила, детка? Эйдан очень ценит, когда его приказы выполняются правильно и вовремя. Правила помогут тебе приспособиться и уберечься от неприятностей.

– Ладно, – равнодушно пожала плечами Хейзел. Ей надоело слушать о правилах. Было бы лучше покончить с этим и, наконец, принять ванну, которую ей обещали.

– Хорошо, – засияла Тиффани. – Итак, первое, о чём ты должна помнить, это то, что тебе не разрешено выходить на улицу. Ты должна оставаться в доме всё время. Это очень важно.

– Почему?

Тиффани пожала плечами.

– Эйдан так считает. Это его правила, дорогая. Только он знает, почему так. Мы можем только догадываться. Второе правило похожее. Ты не можешь приближаться к четвертому этажу.

– Почему? Он что, как Синяя Борода? – поинтересовалась Хейзел, не зная, действительно ли хочет знать ответ.

– Синяя... кто? – Услышав смятение и любопытство в голосе Тиффани, Хейзел нахмурилась.

– Синяя Борода. Мужчина, который убивал женщин и прятал их в своем доме? Что такого секретного на четвертом этаже? Тела девушек, которые погибли здесь?

– Нет! – Тиффани казалась шокирована. – Как тебе такое могло прийти в голову? Боже правый! Эйдан ведь не монстр!

– Разве? Потому что мне так не кажется. Он сам сказал мне, что некоторые из похищенных женщин погибли. Это он виноват. Этому нет оправдания.

– Хейзел, дорогая, – Тиффани вдруг показалась очень расстроенной. —Пожалуйста, давай не будем сейчас об этом говорить. Если ты хочешь обсудить это, мы обсудим, обещаю, но позже. Ладно? Только не сейчас. Сейчас неподходящее время.

Хейзел неохотно кивнула и Тиффани облегченно улыбнулась.

– Хорошо. Итак, третье правило. Ты должна слушаться трех человек в этом доме. Бена, Эйдана и меня. Не волнуйся, мы не попросим чего-то плохого. Просто мне иногда нужна помощь на кухне, а Бен... ну, повиноваться ему – это скорее предосторожность. Он редко общается с женщинами Эйдана. Только в начале, когда он их выбирает.

– Вы знаете, почему меня выбрали? – осторожно спросила Хейзел. Она не была уверена, можно ли доверять Тиффани. Она всё еще ей категорически не нравилась. Как кто-то мог участвовать в сумасшедших играх Эйдана с такой легкостью? Но в то же время, наивность и простота этой женщины, какими тревожными бы они не казались, успокаивали, располагая к доверию.

– О, – Тиффани смущенно опустила взгляд. – У меня есть несколько идей. Я думаю, ты была просто удобной.

– Что это значит?

– Хейзел, мы не можем об этом говорить. Не сейчас. Мы должны закончить с этими правилами, а потом я покажу тебе твою комнату, где ты сможешь отдохнуть.

– А я думала, что должна начать *работать* сегодня вечером, – Хейзел не могла скрыть ядовитые нотки в своем голосе.

– Нет, дорогая, – Тиффани снова уставилась на пол. – Не сегодня. Завтра. Эта ночь лишь в твоём распоряжении.

– Какое облегчение. Чего еще я могла желать?

– Тсс, – Тиффани предупредительно потрясла пальцем. – Ты должна научиться держать свой острый язычок за зубами. Эйдан может быть щедрым, но он также может быть жестоким. Поверь, ты не хочешь это испытать на себе.

Хейзел прикусила губу, чтобы не сделать еще одного резкого замечания.

– Прекрасно, – продолжила Тиффани, явно довольная ее молчанием. – Четвертое правило. Не опаздывай на завтраки, обеды и ужины. Я напишу время каждого и положу расписание рядом с твоей кроватью. Эйдан, вероятно, вообще тебя не заметит, но он всё равно настаивает на том, чтобы все сидели за столом.

Ну, против этого правила Хейзел не сильно возражала. Следовать ему не составит труда.

– И последнее, – сказала Тиффани, переминаясь с ноги на ногу и избегая взгляда Хейзел. – Это носит личный характер. Никогда не ищи Эйдана самостоятельно. Иди к нему, только если он позовет тебя. Никогда не оставайся с ним после того, как он... ну ... закончит, – щеки Тиффани покраснели. – Он предпочитает спать один или вообще не спать. Он ненавидит общаться с людьми больше, чем это необходимо, дорогая, так что не жди особого отношения. Твоя ... обязанность – пойти к нему, когда он захочет, и уйти, как только всё закончится. Было бы лучше, если бы ты просто старалась держаться от него подальше. За исключением...

– Если он не попросит меня, – закончила Хейзел. – Да, я поняла. Спасибо, что рассказали мне всё это, хотя у меня нет ни малейшего желания искать Эйдана самой. Он мне противен.

– Думаю, это не самое худшее, – Тиффани едва улыбнулась. – Ты мне нравишься, Хейзел, дорогая. Ты кажешься сильной и решительной девушкой. Я искренне надеюсь, что ты не совершишь те же ошибки, что твои предшественницы.

– Какие ошибки?

– Нет, – Тиффани покачала головой. – Всё остальное мы обсудим позже. Я знаю, что ты ужасно устала. Должно быть, последние дни были для тебя долгими и мучительными. Иди туда, – она указала на светло-коричневую дверь в конце коридора на первом этаже. – Это будет твоя комната. Ты найдешь одежду и другие вещи в шкафу. Ванная комната там тоже есть. Если тебе нужна помощь, просто иди на кухню, она прямо здесь, – Тиффани кивнула на ближайшую к ним дверь. – Спроси Мелани. Она будет твоей... как ее назвать ... помощницей. Она очень хорошая девочка. Уверена, она тебе понравится.

– Сомневаюсь, – ответила Хейзел, глядя на дверь, ведущую в ее новую комнату. Внезапно грязь на ней начала ощущаться физической тяжестью, и желание искупаться стало как никогда сильным. – Могу я теперь идти?

– Да, конечно, – Тиффани ободряюще и сочувственно улыбнулась. – Увидимся утром, дорогая. Приходи на кухню, как будешь готова. Расписание будет рядом с твоей кроватью, когда ты проснешься.

– Но что, если я проснусь позже, чем должна?

– Не волнуйся, Мелани позаботится об этом. Она всегда это делает, – усмехнулась Тиффани. Хейзел не поняла, почему, но в данный момент ей было всё равно.

Всё, чего она хотела, это наконец-то помыться.

Бен подошел к двери, поколебался, затем постучал.

– Да? – ответил изнутри раздраженный голос. Слегка улыбнувшись, Бен открыл дверь и посмотрел на Эйдана, который работал за столом, покрытым книгами самых разных размеров.

– Я просто хотел проверить, здесь ли ты, – сказал он, взяв одну из самых больших книг. – Черт возьми, она тяжелая. Сколько здесь страниц?

– Тысяча четыреста двадцать три, – пробормотал Эйдан, глядя на текст перед собой.

– Сколько ты уже перевел повторно?

– Недостаточно, – Эйдан покачал головой, на мгновение прикрыв глаза. – Кажется, эти попытки найти, где я мог ошибиться, бесконечны, и после восьми лет работы, у меня всё еще нет ничего существенного.

– Ну, это не совсем так, – автоматически ответил Бен. – Ты многому научился, так что каким бы ни был конечный результат, твои исследования небесполезны.

– Дипломатичен, как всегда, – Эйдан устало откинулся на спинку стула. – Сколько же времени я потратил впустую, Бенджамин. Кажется, я знаю всё о религии, разных представлениях людей о том, что такое ад, разные мифы и сказки, даже самые абсурдные, но ничего, что помогло бы мне войти в само Место.

Тихо вздохнув, Бен положил книгу обратно на стол. Он хотел поддержать Эйдана, очень хотел, но иногда он не мог избавиться от чувства, что все усилия Эйдана были напрасны.

– Может быть, в этом и заключается твоя проблема, – осторожно заметил он. – Нет ничего конкретного в ритуале, который ты так стремишься провести, никакой реальной информации. Только бред сумасшедшего, который притворяется, что обладает знаниями, которые нельзя доказать. Посмотри, какое название ты используешь – ‘Место.’ Какое Место? Где оно? Как туда добраться? Почему у него нет более впечатляющего названия? Эйдан... – Бен заколебался, но продолжил. – Почему ты не можешь понять, что тратишь всё свое время на чьи-то галлюцинации?

Ох. Он не должен был этого говорить. Глаза Эйдана вспыхнули в ясном предупреждении.

– Это не заблуждение, – сказал Эйдан сквозь зубы. – Есть люди, которым удалось туда попасть. Пройти через него.

– Один! Один человек, о котором мы ничего не знаем!

– Но всё же он существует. – Эйдан довольно ухмыльнулся и Бен уставился на него, не зная, считать эту ухмылку милой или раздражающей. – И ты, возможно, ничего о нём и не знаешь, но я знаю. Он написал книгу, которая так напугала тебя своим размером, помнишь? Хотя половина в ней и правда кажется мне бесполезной. В любом случае, мы уже говорили об этом двадцать раз. Ты бы, наконец, определился, чего именно ты хочешь больше всего. Чтобы я добился успеха или чтобы я прекратил этим заниматься.

Бен задумчиво прикусил губу и сел в другое кресло, не отрывая глаз от Эйдана.

– Ты знаешь, чего я хочу, – спокойно сказал он. – Конечно, я хочу, чтобы ты преуспел. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Тем не менее, я не уверен, что то, что ты делаешь, когда-либо будет иметь физические результаты, которых ты жаждешь. Я хочу верить в твою идею почти так же сильно, как и ты, но я не ослеплен ей. И я вижу, что все факты, которые у тебя есть, они как... пыль. Ты не можешь нормально потрогать или даже увидеть ее, а периодических проблесков, которые получается уловить, просто недостаточно.

– Ты и твои философские заморочки, – Эйдан закатил глаза, игнорируя хмурый взгляд Бена. – И как ты еще не устал от них? Но знаешь, что? Мне нравится твоя аналогия. Возможно, нельзя увидеть или коснуться одной конкретной пылинки должным образом, но это можно сделать, когда все они соединены вместе. То же самое здесь. У меня много полезных фактов. Я просто пока не знаю, как их соединить. Но поверь мне, я это сделаю

– Если кто и может это сделать, так это ты, – не мог не признать Бен. – Хочешь всё проанализировать?

– О нет, – застонал Эйдан и положил голову на руки. – Только не снова!

Бен не обратил на него внимания.

– Один из твоих старейших знакомых рассказал тебе страшилку о том, как какой-то ученый совершил путешествие в глубины самого ада и получил возможность всей жизни. Что-то банально-затертое, вроде исполнения самого заветного желания. Это заинтриговало тебя, так как ты всецело доверяешь этому человеку. Итак, ты начал исследования, нашел книгу, якобы написанную вышеупомянутым ученым, и, хотя она была переведена очень плохо, ты совсем помешался...

– Эй, – Эйдан бросил на него сердитый взгляд, – не забывай, с кем ты разговариваешь!

– ...и с того момента ты только и делаешь, что пытаешься повторить то, что сделал тот человек. Ты рассмотрел тысячи теорий. Ты даже сам перевел книгу! И теперь ты делаешь это во второй раз, потому что думаешь, что мог что-то упустить или неправильно истолковать во время первого перевода.

– Я знаю всё не хуже тебя, – скучающим голосом сообщил ему Эйдан. – Мне не нужно слушать одно и то же снова и снова, так что давай опустим эту увлекательную историю. К чему ты клонишь?

– Я просто хочу понять... – Бен помолчал, пытаясь найти правильные слова. Он знал Эйдана достаточно хорошо, чтобы понимать, что всё, что ему не нравится, может мгновенно привести его в ярость, и после этого все объяснения станут бесполезны.

Чувствуя, что его друг начинает терять терпение, Бен, наконец, спросил: – Ты можешь ответить на один простой вопрос? Что ты хочешь?

Эйдан посмотрел на него, как на идиота.

– Что ты имеешь в виду? Ты уже знаешь, чего я хочу. Я хочу добиться успеха. Я хочу узнать, как Арбатнот смог это сделать. Он не называет место, которое он посетил, адом, его слова всегда расплывчаты, но информации, которую он дал в своей книге, достаточно, чтобы проследить эту связь.

– Нет, я не об этом. Что, если у тебя получится? Скажем, ты прошел через всё, что ждет тебя в Аду, в Месте, неважно. Скажем, тебе дали такую же "возможность всей жизни", какую получил Арбатнот. Что тогда? Чего бы ты пожелал? Ты никогда этого не говорил.

Эйдан встал и подошел к окну, пристально глядя на темные силуэты деревьев. Несколько минут прошли в молчании и только потом медленно пробормотал:

– Я хочу то, чего хочет каждый. Бессмертия. Силы. Да, ты, вероятно, скажешь, что банальнее не придумаешь, но правда в том, что есть вещи, которые никогда не потеряют свою весомость. Возьми любовь, это жалкое чувство, которое, кажется, считается вышедшим из моды в нашем уважаемом обществе. Люди жалуются о том, как оно скучно, как они устали от книг и пьес, описывающих его, и всё же, многие из них не смогли бы жить без этого чувства.

Они всё еще хотят его, мечтают об этом, думают об этом. Им просто стыдно в этом признаться. Может быть, некоторые из них даже убедили себя, что им действительно ничего подобного не нужно, но в большинстве случаев это не так.

– Как насчет тебя? – Бен проговорился прежде, чем смог остановить себя. Изогнул бровь, чтобы снять остроту вопроса, и добавил с юмором: – Разве ты не тот, кто всегда говорит, что любовь – затертая банальность, и ты в нее не веришь?

– Я никогда этого не говорил, – нахмурился Эйдан, повернулся, чтобы посмотреть на него снова, и сердце Бена пропустило удар. – Я не верю в любовь в отношении меня, а не в целом. Я один из тех счастливиц, которые могут сконцентрироваться на гораздо более важных вещах. Меня тошнит от женщин и их глупых требований. Я хочу сказать, что есть вещи, которые никогда не состарятся. Музыка, хорошее вино, хорошо написанные книги. Любовь... желание жить вечно. Контролировать всё и всех. Вот чего я хочу. И это то, что я получу, когда выясню, как Арбатнот сумел войти в это Место и пройти через него.

Бен ничего не сказал. Он просто пристально смотрел на Эйдана, словно пытаясь прочесть его мысли, а затем медленно покачал головой.

– Ты никогда этого не хотел, Эйдан, – произнес он. – И я не верю, что ты хочешь этого сейчас. Это просто оправдание, и я надеюсь, ты это понимаешь. В противном случае это делает тебя одним из тех дураков, которые лгут сами себе, потому что они слишком напуганы, чтобы признать правду.

– У тебя есть ровно двадцать секунд, чтобы объяснить, что ты имеешь в виду, – голос Эйдана был холоднее льда. Бен на мгновение опустил глаза, затем снова их поднял.

– Я знаю тебя семнадцать лет, – мягко сказал он. – Я знаю твои хорошие и плохие стороны. Я знаю, как ты любишь всё контролировать. Ты властный человек и ненавидишь, когда кто-то не подчиняется тебе. Я также знаю, что ума тебе не занимать. У тебя уже есть весь контроль, который может тебе когда-либо понадобиться, и я не верю, что ты хочешь большего. Ты владеешь домом, о котором всегда мечтал. У тебя есть люди, которые обожают тебя, которые готовы умереть за тебя. Да, тебе нравится контролировать этих безмозглых девушек, которых я тебе нахожу. Играть с ними в твои игры, удерживать их и знать, что выбора у них не много – да, ты определенно жаждешь власти в какой-то степени, но ты не хочешь *бесконечной* власти. Ради Бога, ты не знаешь бы, что с ней делать! Ты всегда любил Доунфэр Буш именно потому, что это тихое и отдаленное место, скрытое от всех. У тебя есть деньги благодаря твоим книгам, достаточно, чтобы откупиться от полиции, когда это необходимо, но ты предпочитаешь прятаться от славы, потому что ненавидишь внимание. Оставаться в тени — твой выбор. Ты можешь изменить его в любую минуту, если захочешь. Но ты не хочешь. Потому что «бесконечная власть» тебя не интересует. Так же, как и вечная жизнь.

– Ты думаешь, что так хорошо меня знаешь, – Эйдан подошел ближе и Бен сглотнул, но не сдвинулся с места. – И кто ты вообще такой? Просто слуга, которого отвергла его собственная семья и который был настолько жалок, что единственное утешение, которое он смог найти, было в чувстве, словно он нужен своему одинокому шестнадцатилетнему хозяину. Это может быть новостью для тебя, Бенджамин, но ты мне не был нужен тогда и уж точно не нужен сейчас. Ты не в том положении, чтобы говорить мне, чего я хочу и почему я этого хочу. Ты никто, и ты должен помнить свое место.

Бен скривил губы, мрачно глядя на Эйдана. Слова были обидными, но он знал, что Эйдан не имел в виду то, что сказал. Не мог иметь это в виду. Эйдан не в первый раз пытался защитить себя словесными нападками, так что Бен уже привык к этому.

– Я человек, который очень заботится о тебе, – сказал он и почти улыбнулся, видя, как это простое признание сразу заставило Эйдана на мгновение потерять маску. – Всё, что я говорю, направлено на то, чтобы помочь тебе. Я знаю, ты ненавидишь это слышать – знаю. Но я не хочу, чтобы ты тратил столько времени на то, что разочарует тебя в конце. Ты превратил это

исследование, это мифическое путешествие в ад в цель своей жизни. Ты просто одержим этим. Ты готов на всё, чтобы наконец-то достичь того, что сделал Арбатнот, но я думаю, что ты сам не знаешь, чего бы хотел, если бы тебе всё удалось. Ты бы растерялся. Так что да, бесконечная сила и вечная жизнь – это всего лишь оправдания. Большинство людей поверит, что ты хочешь этого больше всего, но не я. Я не могу в это поверить. Потому что я знаю тебя и это – не ты.

Эйдан повернулся к нему спиной и равномерно сказал:

– Тебе пора идти, Бенджамин. У меня всё еще есть работа.

Как всегда, Бен подумал, но не сказал этого вслух. Он замешкался на мгновение, затем неохотно кивнул и медленно пошел к выходу.

– Спокойной ночи, – мягко сказал он, прежде чем закрыть дверь, зная, что не получит ответ.

Глава 4

– Хейзел, дорогая, я не думаю, что мы должны идти туда. Нет смысла знать свое будущее.

– Нет, есть! – Хейзел нахмурилась.

– Но ты ребенок, ни один ребенок не должен...

– Я не ребенок! —на этот раз она смерила бабушку открытым раздраженным взглядом. – Мне восемь, а в восемь лет я уже большая.

Эбигейл вздохнула и терпеливо поправила:

– Ты должна сказать "достаточно взрослая", а не "большая."

– Сегодня не школьный день. Мне не нужно ничему учиться. – Хейзел остановилась и тревожно посмотрела на бабушку. – Или нужно?

– Нет, – Эбигейл нежно улыбнулась ей. – Но всегда приятно узнавать что-то новое, не правда ли?

– Хм, – Хейзел нахмурилась. – Я не уверена. Уроки скучные.

– Значит, сегодняшний урок рисования отменяется?

– Рисование не в счет! – возмущенно воскликнула Хейзел. – Мне оно нравится, и конечно же, у меня будет урок сегодня! Ты иногда такая глупая, бабушка.

– Может, тогда нам стоит пойти к реке? Ты можешь нарисовать что-нибудь прямо сейчас. Посмотри на погоду. Сегодня так красиво.

– Мы можем пойти туда позже. Миссис Марбл ждет нас! Она, должно быть, хороший человек, потому что у нее забавная фамилия. Она напоминает дворец, —Хейзел мечтательно вздохнула и потащила Эбигейл к маленькому серому дому. – Я так рада, что ты разрешила мне прийти!

– Хейзел, послушай меня, – Эбигейл остановилась, опустила на колени, взяла руки Хейзел в свои и серьезно посмотрела на нее. – То, что мы делаем сейчас, считается грехом в глазах Бога. Люди не должны пытаться узнать о своем будущем. Гадалки и хироманты, как правило, мошенники. Они только притворяются, что видят то, что другие не могут.

– Но твоя подруга Миссис Амберс сказала, что у этой женщины настоящий дар, – возразила Хейзел. – Поэтому ты решила, что мы можем сходить к ней. Ты поверила, что она особенная.

– Может, она и особенная, – мягко сказала Эбигейл, – но особенная не значит хорошая. Мошенники, вероятно, скажут тебе только что-то хорошее, потому что все хотят услышать, насколько они будут счастливы и успешны. Люди с настоящим даром скажут как хорошее, так и плохое. А ты недостаточно взрослая, чтобы слушать что-то плохое, Хейзел. Это никому не нужно.

– Но я хочу знать, – упорно сказала Хейзел. – Ты сказала, что я могу принимать решение, потому что я взрослая. И я его приняла. Я хочу пойти и спросить, что она видит обо мне. Я не боюсь плохого, бабушка.

– А я боюсь, – прошептала Эбигейл. – Когда твоя мать исчезла, Хейзел, это был худший день в моей жизни. И я бы никогда, никогда не захотела узнать об этом раньше времени. Это бы меня просто убило.

Глаза Хейзел наполнились слезами и она начала быстро моргать, стараясь не расплакаться. Эбигейл обняла ее и поцеловала ее волосы.

– Все хорошо – прошептала она. – Если хочешь, мы можем сходить. Ты такая сильная девочка, моя дорогая. Я не сомневаюсь, что ты справишься со всем, что тебя ждет.

– Я знаю, что делать. – Хейзел наконец-то смогла осушить слезы и широко улыбнулась. – Если она скажет нам что-то хорошее, мы ей поверим. Если она скажет что-то плохое, мы не будем верить.

Эбигейл засмеялась, кивнула, и встала.

– Тогда пошли, – предложила она и Хейзел охотно схватила ее за руку.

Когда они постучали, дверь открыла рыжеволосая женщина и Хейзел уставилась ей в глаза, как заипнотизированная. Они были ужасно большими и имели странный темно-голубой цвет.

– Вы, должно быть, Эбигейл и Хейзел, – заговорила женщина. – Заходите. Сядьте вон там, – она указала на два стула, стоящих перед столом.

– Ваша фамилия действительно Марбл? – спросила Хейзел с любопытством.

– Да, – улыбнулась женщина. – Но ты можешь называть меня Дженнифер.

– Мы принесли вам немного молока. Наше молоко самое лучшее во всей деревне, – похвасталась Хейзел.

– Хейзел, – резко сказала Эбигейл. Хейзел виновато посмотрела на бабушку, а затем пробормотала: – Простите.

– О, не стоит, – Дженнифер покачала головой. – Я люблю детей и их непосредственность. Дай мне свою руку, мальшика.

Хейзел повиновалась и нетерпеливо посмотрела на женщину. Она была так поглощена, что едва заметила, насколько напряжена ее бабушка.

Прошла минута, потом еще одна. Миссис Марбл все еще ничего не сказала, и Хейзел наконец-то потеряла терпение.

– Ну? – спросила она. – Что вы видите?

Дженнифер странно посмотрела на нее. Затем, сделав глубокий вдох, произнесла:

– Я вижу много разного, Хейзел. У тебя будет очень интересная жизнь. Ты сделаешь несколько ошибок, но не станешь ни о чём сильно жалеть.

– Встречу ли я мужчину своей мечты? – возбужденно спросила Хейзел, и Дженнифер несколько непонятно улыбнулась.

– Да, встретишь.

Глаза Хейзел загорелись и она победоносно посмотрела на бабушку.

– Однако, – продолжила Дженнифер. – Ты не будешь счастлива с ним.

– Что? – Счастье потускнело, дрогнуло, и исчезло. – Почему? – расстроено воскликнула Хейзел. – Он не будет меня любить?

– Будет. Но ты не проживешь достаточно долго для того, чтобы понять это, – Дженнифер остановилась, поерзала в кресле и снова посмотрела на Хейзел. – Ты умрешь молодой, – тихо сказала она. – И смерть будет нелегкой.

– Довольно! – Эбигейл резко встала и подошла к Хейзел. – Мы уходим. Ей не обязательно это слышать!

Глаза Дженнифер были прикованы к расширенным глазам Хейзел.

– Я не могу видеть наверняка, – прошептала она. – Но я думаю, что это будет смерть от удушья. Возможно, утонешь. Я вижу тьму вокруг тебя. Я чувствую твой ужас. Если я постарюсь, то я даже могу услышать твои крики. Ты будешь звать его, но он не придет. Никто не придет. Ты умрешь в одиночестве.

Глаза Хейзел наполнились слезами и она яростно покачала головой.

– Нет. Нет, не умру!

– Я вижу, как ты тонешь. Даже сделав свой последний вздох, ты всё равно будешь верить, что он спасет тебя. Он не спасет. Ты умрешь брошенной, в одиночестве. В ужасе. И затем...

Эбигейл, которая стояла неподвижно, внезапно кинулась вперед и залепила Дженнифер пощёщину. Предсказательница вскрикнула от удивления и отступила, шокировано уставившись на нее.

– У тебя нет совести, – прошептала Эбигейл. – Каким отвратительным существом надо быть, чтобы забивать голову маленькой девочки этими страшными историями! Как Земля может тебя носить выше моего понимания. Надеюсь, ты сгниешь в аду вместе со своим даром. Хейзел, мы уходим. Прямо сейчас.

Всхлипывая, Хейзел встала на дрожащие ноги и прижалась к Эбигейл, чтобы успокоиться.

Когда они вышли наружу, рыдания Хейзел усилились, и она бросилась в объятия бабушки.

– Я не хочу так умереть! – закричала она. – Я не хочу умирать молодой! Я не хочу любить того, кто не сделает меня счастливой! Не хочу!

– Шии, – Эбигейл крепко обняла ее. – Не беспокойся об этом, моя дорогая. Не думай. Помнишь, что мы решили перед тем, как пойти к этой глупой женищине?

– Д-д-да, – пробормотала Хейзел.

– И что же? Что ты мне сказала?

– Что... что мы не поверим ничему плохому. Только хорошему.

– Да. Так что не унывай, Хейзел, – Эбигейл вытерла слезы с ее лица и ободряюще улыбнулась. – Мы будем верить, что ты встретишь мужчину своей мечты, что у тебя будет очень интересная жизнь, и это всё. Ты должна верить, что то, что ты слышала дальше, никогда не произойдет. Хорошо?

– Да, – тихо ответила Хейзел, глядя себе под ноги. Ей хотелось верить бабушке, поэтому она собиралась постараться забыть об этой кошмарной встрече.

И всё же ... возможно, это было только ее воображение, но она почти могла видеть всё то, что описывала Марбл. Глубокая ночь, и лес, и что-то вроде воды, и пустота...

И крики. Испуганные, полные отчаяния крики.

Ее крики.

Хейзел резко села на кровать, почти задыхаясь. Спросонья, поначалу, она даже не могла понять, где находится, но глядя на большие окна и густой лес за ними, она вспомнила.

Слегка качая головой, Хейзел легла обратно и закрыла глаза, пытаясь забыть то, что не хотела вспоминать. Она годами не думала о встрече со старой мошенницей, так почему сейчас? Всё, что сказала та женщина, было неправдой. По крайней мере, Хейзел не понимала, как она могла бы утонуть. Она прекрасно плавала, бабушка позаботилась об этом. И за свои 22 года она ни разу не была влюблена, так что все страшные слова остались просто... словами.

Хейзел не верила ни единому слову Марбл, но она всё равно не могла улыбнуться и вспомнить это без содрогания. Всегда было легче поверить в плохое, поэтому, несмотря на то, что прошли годы, она не забыла о мрачном пророчестве полностью.

Зевая, Хейзел попыталась снова заснуть, но время шло, а ей это никак не удавалось. Она начала ненавидеть здешние ночи. Они были слишком темными, слишком тихими и страшными. Несмотря на то, что комната, в которую ее поместили, была намного лучше подвала, она всё еще чувствовала себя заключенной. Этот дом был слишком большим и незнакомым, чтобы расслабиться.

Думать об Эбигейл было слишком больно. Каждый раз, когда Хейзел пыталась представить ее, потерянную, одинокую, опустошенную, сидящую снаружи, надеясь увидеть, как ее внучка вернется, ее сердце почти разрывалось от боли, горечи, и безумного желания убежать, найти ее, обнять ее, сказать, что с ней всё в порядке.

Хейзел закрыла лицо руками, чувствуя, что в глазах появляются слезы. Она не могла отдыхать, зная наверняка, что единственный человек, которого она любила, не имел такой возможности. Она бы отдала всё, чтобы вернуться домой, в основном не ради себя, а ради Эбигейл. Разве недостаточно того, что бабушка уже потеряла дочь и зятя до этого? Хейзел мало помнила своих родителей, но они всегда жили в памяти Эбигейл. Эбигейл любила реальных людей, а не красивые улыбающиеся изображения на старых фотографиях. Если их смерть не убила ее, исчезновение Хейзел, вероятно, сможет.

Девушка закусила губу и дала молчаливое обещание. Она найдет способ связаться со своей бабушкой. Написать письмо или отправить кого-то к ней...

Ей только придется немного подождать. И даже если это не получится, она всё равно вернется через три месяца.

Она уже считала дни.

Когда Хейзел пришла на завтрак на следующее утро, Эйдан и Брелари уже были там. Они даже не повернулись, чтобы взглянуть на нее, слишком занятые своим разговором. Раздраженная, Хейзел села на один из стульев и посмотрела на тарелку, которая всё еще была пуста.

– Ты должен признать, что Данте описал несколько очень хороших моментов касательно ада в своей *Божественной комедии*, – говорил Брелари. – Может быть, тебе стоит вернуться к ней еще раз и попытаться что-то найти.

– Я уже это сделал, – ответил Эйдан, явно раздраженным голосом. – Я всё-таки считаю, что поэма Данте – это аллегорическое видение ада. Она описывает воображаемый мир умирающего человека, а не Место, которое я ищу.

– Откуда ты знаешь, что именно ты ищешь? Насколько я помню, Арбатнот не упоминал, что Место было материальным. Как это вообще возможно? Мы говорим об Аде!

Обсуждение прервала Тиффани, которая вошла в столовую с большим подносом, полным разных тарелок.

– Доброе утро, – весело поприветствовала она их, поставив поднос на стол. – Что будете есть сегодня?

– Ты знаешь, что я буду, – пробормотал Эйдан. Тиффани закатила глаза.

– Да, знаю, но я всегда надеюсь, что сегодня ты, наконец-то, удивишь меня и передумаешь.

Хейзел поджала губы, внимательно слушая всё, что было сказано. Она не могла понять, как кому-то может нравиться Эйдан, и тем более как можно так легко его поддразнивать. Он был холоден, эгоистичен, и неприятен, и всё же Бенджамин и Тиффани постоянно суетились над ним. Это было отвратительно до такой степени, что Хейзел уже чувствовала тошноту.

– А ты что будешь есть, дорогая? – Тиффани указала на поднос. – Выбирай, что хочешь больше всего.

Хейзел посмотрела на еду, пожалала плечами и сказала:

– Блинчики с молоком подойдут.

Она старалась выглядеть спокойной и равнодушной, но внутренне чуть не подпрыгнула от радости, когда Тиффани дала ей то, о чем она просила. Столько времени прошло с тех пор, как она ела настоящую еду! Особенно блины, которые были ее любимыми... хотя, если подумать, почти всё было ее любимым.

Эйдан хмыкнул и Хейзел, вздрогнув, поняла, что он наблюдал за ней всё это время. Он, должно быть, заметил ее энтузиазм и счел его ироничным после ее напускного равнодушия.

Смущенная, Хейзел быстро посмотрела вниз и больше не поднимала головы. Эйдан и Бенджамин спорили весь завтрак, но Хейзел не слышала ни слова. Она была слишком поглощена своими мыслями.

Как пройдет эта ночь? Она не могла даже смотреть на Эйдана дольше минуты, как она должна была делать что-то... более интимное?

Беспокойство испортило ее аппетит, поэтому Хейзел оставила свой завтрак незаконченным. Если Эйдан или Брелари и заметили это, то они этого не показали. Вскоре они встали и ушли, продолжая спорить, и Хейзел наконец-то снова смогла нормально дышать. Она взяла вилку, посмотрела на блины и вздохнула.

Она всё еще не была голодна.

– Хейзел? Это Мелани. Можно мне войти?

Мелани? А, служанка. Хейзел отошла от окна и громко сказала:

– Да, дверь открыта.

Молодая красивая женщина вошла в комнату, с любопытством глядя на нее. У нее были длинные темные волосы, темная кожа и светло-карие глаза. Что-то в ней немедленно заставило Хейзел почувствовать себя непринужденно.

– Я вам нужна? – спросила она и Мелани удивленно подняла брови.

– О, нет. Это вы можете обращаться, если вам что-то понадобится. Я ваша служанка. Я пришла, чтобы сказать, что господин Мореттдрейн вас ждет.

– Мореттдрейн?

– Владелец этого места. Эйдан.

– Его фамилия Мореттдрейн? – недоверчиво спросила Хейзел. – Она настоящая? Звучит так, будто он выбрал ее сам для себя. Такая же пафосная, как и название этого дурацкого дома. Такие совпадения случаются довольно редко.

– Я не знаю, я никогда не спрашивала его. Честно говоря, я даже не могу представить, чтобы спросить его о чем-то подобном, – Мелани вздрогнула и Хейзел закрыла глаза, внезапно почувствовав удушающую панику.

– Я... я не могу пойти, – прошептала она. – Боже. Это будет ужасно... я не хочу этого делать.

Мелани подошла к ней и нежно погладила ее волосы.

– Всё будет не так плохо, как ты думаешь, – мягко сказала она Хейзел. – Он может быть жесток на словах, но это всё. Обычно он помнит о том, что нужно доставить столько удовольствия, сколько он получает.

– Откуда ты это знаешь? – Хейзел коснулась Мелани дрожащей рукой. – Ты тоже была его...

– Да, – улыбнулась женщина. – Я была его любовницей. Но когда он захотел меня отпустить, я попросила его оставить меня в Доунфэйр Буш.

– Почему? – воскликнула Хейзел, не веря своим ушам. Как можно было не воспользоваться шансом убраться отсюда?

– Ну, – Мелани пожала плечами, – у меня никого не было. Мне не к чему было возвращаться и я встретила замечательных людей. Я хотела остаться с ними. Хозяин позволил мне, и он, к счастью, с тех пор не обращал на меня внимание. Поэтому сейчас я помогаю другим женщинам, которые становятся его любовницами, как физически, так и психологически. Если тебе будет нужна моя компания, когда он тебя отошлет, позови меня и я приду.

– Хорошо. Если я еще буду жива, – Хейзел беззаботно усмехнулась.

– А почему нет? – Мелани выглядела удивленной. – Близость никого не убивает.

– Но Эйдан может. Я просто не уверена, что смогу... я имею в виду...

Мелани задумчиво нахмурилась, наклонилась вперед и шепотом спросила:

– Ты девственница?

Хейзел сузила глаза.

– Нет.

– Тогда почему ты так боишься? Ты будешь в безопасности в физическом смысле, обещаю. Я знаю.

Хейзел отвернулась от пытливых глаз Мелани. Она не чувствовала себя комфортно, говоря о таких вещах с совершенно незнакомым человеком, но здесь больше никого не было.

Единственным человеком, с которым она поделилась этой историей, была ее бабушка, а она находилась бесконечно далеко.

– Я была близка с мужчиной только один раз. И мне это не понравилось.

– Почему? – спросила Мелани в изумлении. – Вы двое любили друг друга, не так ли?

– Нет, – Хейзел всё еще не повернулась к ней. – У нас не было чувств друг к другу.

– Тогда почему ты... о! —Мелани ахнула и прикрыла рот ладошкой. – О Боже, ты... тебя...

– Нет! – Хейзел наконец повернулась к ней и яростно покачала головой. – Нет, меня не насиловали. Всё было совсем не так.

– Я не понимаю, – призналась Мелани, и Хейзел вздохнула, задаваясь вопросом, как объяснить, что тогда управляло ею.

– Вся свою жизнь я была одержима идеей любви, – тихо сказала она, глядя на голубое одеяло. – Я хотела любить и быть любимой, но у меня также были очень сильные... желания... определенного рода. Я боролась с ними долгое время, но когда мне исполнилось двадцать, я решила, что больше не хочу ждать. Любовь может прийти, когда мне будет тридцать или может быть, она вообще не придет, и я не была намерена оставаться девственницей всю свою жизнь. Мои... – Хейзел неловко замялась. – Сексуальные потребности сводили меня с ума, поэтому я отправилась в место, где часто происходили такие мероприятия. Я встретила мужчину... Боже, – горько засмеялась она. – Я даже не могу вспомнить его имя. Он был привлекателен и он был мне немного симпатичен. Думаю, я хотела его тогда... не знаю. Мы пошли к нему домой и занялись сексом, но это не доставило мне никакого удовольствия. Я поняла свою ошибку, когда было слишком поздно. После этого он просто заснул, а я оделась и убежала. Я пошла с ним по своему желанию, но всё равно чувствовала себя грязной, униженной и пустой в конце. Я ненавидела себя за это. За то, что сделала с собой. Я чувствовала себя шлюхой. Думала, что переспать с кем-то только из-за секса будет нормально, что это ни на что не повлияет, но оказалось, это имело для меня значение. Я просто не успела понять это вовремя.

Мелани ничего не говорила несколько минут. Она просто молча смотрела на Хейзел, как будто анализировала ее. Затем она осторожно спросила:

– Ты сказала, что у тебя были очень сильные сексуальные желания... они исчезли после этого неудачного первого опыта?

Хейзел рассеянно постучала пальцем по одеялу.

– Я не знаю. Не полностью, но я не собиралась повторять ту же ошибку. Я хорошо усвоила свой урок.

– Возможно, ты была права, – Мелани взяла Хейзел за руку. – Но теперь у тебя нет выбора. Поэтому я могу дать тебе только один возможный совет. Не сопротивляйся Эйдану. Я знаю, что он тебе не нравится. Я знаю, ты ненавидишь всю эту ситуацию, но если он почувствует, что ты не собираешься воевать с ним, он принесет тебе наслаждение. Прости меня за откровенность. Я сама не чувствую себя комфортно, обсуждая такие вещи, но... – Мелани с сожалением улыбнулась. —Я хочу, чтобы ты осталась в здравом уме в течение предстоящих месяцев, а это возможно только если ты сумеешь не возненавидеть себя и свою жизнь. Ничто не убивает человека быстрее, чем чувство горечи и никчемности – поверь мне, я знаю.

Хейзел просто отвернулась. Легко произносить слова, но следовать им в действительности? Она не могла себе этого представить. Она слишком хорошо помнила, что чувствовала после секса с тем безымянным мужчиной. Она никогда не хотела испытать это чувство снова.

Мысли о несправедливости ситуации вытолкнули ее ярость на поверхность. Поджав губы, Хейзел встала. Она не хотела идти на поводу у своей злости. Не сейчас, когда этот гнев может стоить ей жизни. Ей нужно пережить эту ночь, оставаясь холодной и рациональной. Только это выручит ее, только так она сможет убедиться, что увидит свою бабушку.

– Спасибо, – вежливо сказала она Мелани. – Я обдумываю то, что ты сказала. Теперь, думаю, мне лучше пойти к нему. Я бы не хотела, чтобы Эйдан разозлился еще даже до того, как я приду.

– Ты права, – Мелани в последний раз похлопала ее по спине и указала на дверь. – Пойдем, я покажу тебе дорогу в его спальню.

Хейзел последовала за ней, чувствуя, как дико бьется ее сердце и ее ноги дрожат, угрожая подкопиться.

«Холодно и рационально,» – напомнила она себе. – *«Контролируй свои эмоции, не показывай истинных чувств. Будьте отзывчивой, но пассивной. Это наверняка скоро закончится. У как-его-там не ушло много времени на то, чтобы закончить, на этот раз будет точно так же.»*

С ней все будет в порядке. Она с этим справится. Обязательно.

Мелани привела ее к двери комнаты Эйдана и ободряюще сжала ее плечо.

– Удачи, – прошептала она. – И помни, что если тебе что-то понадобится, просто позови меня. Я буду на кухне.

Хейзел кивнула один раз, два раза, потом тяжело вздохнула и хрипло прошептала:

– Тебе лучше уйти. Я не хочу... я хочу побыть в одиночестве.

Мелани улыбнулась ей в последний раз и ушла. Хейзел уставилась на дверь, стараясь дышать медленно и глубоко.

– Раз-два-три... – начала она, потом остановилась, сглотнула, и попыталась снова. – Раз-два-три, вот дерево, смотри. Я заберусь на него, не буду видеть никого. Я спрячусь в листве, буду греться под солнцем, и каждый, кто поднимет голову, тут же отвернется.

Она придумала этот короткий стишок со своей бабушкой много лет назад. Он был по-детски глупым и нескладным, но он всегда помогал, когда Хейзел нервничала или боялась. Он давал ей надежду и уверенность, и после того, как она произносила эти волшебные слова, она чувствовала, что не подведет себя, несмотря ни на что. Обычно это срабатывало... хотя она не была уверена, что сработает сейчас.

Глубоко вздохнув, она, наконец, постучала в дверь.

– Входи, – ответил голос Эйдана.

Хейзел вошла в комнату и внимательно осмотрелась. Она уже поняла, что у Эйдана должно быть много денег, потому что каждое место в этом доме было богато обставлено, но почему-то всё всегда выглядело одинаково. Те же темные полки, те же большие окна, даже те же ковры и стены кофейного цвета. Эта комната была более роскошной, чем другие, но она ничего не рассказывала о своем владельце. Она была холодной и безличной, несмотря на все дорогие вещи. Маленькая комната Хейзел и Эбигейл выглядела намного приятнее. Выглядела живой.

– Что, ты собираешься стоять там всю ночь? – спросил Эйдан, но, к ее удивлению, Хейзел не услышала никакой насмешки в его словах. Они прозвучали почти как дружелюбное поддразнивание.

Настороженная, она сделала несколько шагов в его сторону и пожала плечами.

– Я не знаю, – сказала она, горячо надеясь, что ее голос не выдал ее беспокойства. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Хейзел почувствовала тошноту от своих же слов и тут же посмотрела вниз, на пол. Наверное, будет легче просто не смотреть на этого человека. Если бы только он не возражал...

Когда она снова подняла голову, удивленная долгой тишиной, она увидела, что Эйдан задумчиво смотрит на нее.

– Садись, – предложил он, указывая на кровать. Хейзел нервно прикусила губу и сделала, как он сказал. Эйдан медленно подошел к ней, затем мягко погладил ее волосы.

– Расслабься, – прошептал он. – Всё будет хорошо. Тебе не о чем беспокоиться.

Хейзел не ответила, а только еще больше напряглась. Эйдан осторожно снял с ее плеч светлую накидку и убрал ее. Нежно коснулся ее кожи.

– Тебе не о чем беспокоиться, – повторил он, поглаживая ее спину. – Закрой глаза.

Хейзел повиновалась, пытаясь выключить все негативные мысли и сконцентрироваться на звучании тихого шепчущего голоса. Каким-то образом это помогло ей немного расслабиться, поэтому она снова открыла глаза и впервые заметила, что Эйдан зажег свечи, чтобы осветить комнату. Странно, как она могла это пропустить? И зачем ему делать это? Он что, думал, что этого будет достаточно, чтобы смягчить изнасилование, которое должно произойти?

Вспомнив о том, почему она здесь, Хейзел снова начала паниковать, поэтому поспешила вновь закрыть глаза. Эйдан продолжал медленно и нежно гладить ее.

– Мне нравятся твои волосы, – пробормотал он, прислонившись ближе, глубоко вдыхая их аромат. – Они длинные, мягкие и красивые. – Эйдан подвинулся, чтобы лучше к ней приблизиться и прошептал прямо в ухо Хейзел: – Ты красива... Хейзел.

Хейзел дрожала, чувствуя его горячее дыхание, наслаждаясь легкими прикосновениями. Она, наконец, полностью расслабилась, позволив чему-то теплomu начать разливаться в ее животе. Она не верила ни единому слову Эйдана – она не была идиоткой, которая могла бы купиться на пустые комплименты. Но ради себя самой, она *хотела* верить его словам. Хотела, чтобы они были правдой.

Эйдан продолжал ласкать ее и, наклонившись, оставил россыпь поцелуев вдоль ее шеи. Сначала эти поцелуи были едва ощутимыми, но всё больше и больше они набирали силу. Хейзел выгнула спину и негромко застонала, когда почувствовала первое прикосновение горячего языка к своей разгоряченной коже. До этого Эйдан не двигался дальше ее плеч, но теперь его рука вдруг осторожно коснулась ее груди, и Хейзел дернулась, как будто его прикосновение обожгло ее.

Мужчина повернул ее лицом к себе и ласково погладил по щеке, пристально глядя ей в глаза. Когда он наклонился к ней, Хейзел не шевельнулась. Она задумалась на мгновение, взвешивая свои варианты, разрываясь между отвращением и невольным желанием, а затем закрыла глаза и позволила Эйдану поцеловать себя.

Поцелуй был приятным. Тепло в ее животе накалилось, становясь почти невыносимым, и после мгновения колебаний, Хейзел решила расслабиться.

Почти сразу поцелуй углубился, став страстным и пылким. Эйдан обнял ее за талию и притянул ближе, крепко прижимая к своему телу, и Хейзел ответила взаимностью, упиваясь чувствами, которых так долго жаждала, чувствами, в которых отказывала себе. Когда руки Эйдана начали снимать ее платье, она не протестовала. Ее разум был в каком-то другом месте, туда, куда она сознательно отправила его. Там она не могла разумно мыслить, не могла реагировать так, как действительно хотела, как собиралась реагировать до прихода сюда. Какая-то часть ее знала, что то, что она делала, было неправильно, что позже она, вероятно, будет презирать себя за эту отвратительную слабость, но уступить было безопаснее, как физически, так и морально.

Хейзел позволила своему телу взять верх, решив сосредоточиться на физических, первобытных позовах, которые проснулись в ней при прикосновении Эйдана. В конце концов, это было то, чего Эйдан ожидал, из-за чего ее привезли сюда. Тот факт, что прямо сейчас она хотела того же самого, было лишь удачным совпадением.

Эйдан грубо толкнул ее на спину, не прерывая поцелуя. Когда ему не удалось полностью избавиться от платья Хейзел, он зарычал и резко дернул за него, чуть не порвав его на части. Хейзел ахнула, но не проронила ни слова – только помогла ему снять с себя одежду.

Эйдан остановился на мгновение, наблюдая за ней, и какой-то крошечной частью ее разума, которая всё еще была способна функционировать, Хейзел задалась вопросом, почему в этот раз всё по-другому. В первый раз она легко смущалась, краснела, пытаясь отвести взгляд, но теперь она не чувствовала даже и тени дискомфорта. Напротив, она была полностью окутана желанием. Она едва могла думать, поэтому в основном лишь наслаждалась тщательностью, с которой Эйдан изучал ее тело.

Может быть, это отсутствие выбора и ответственности за него давали ей возможность ощутить себя свободной?

Какая разница?

Нетерпеливо, она схватила голову Эйдана и притянула его к себе, страстно целуя его. Эйдан усмехнулся, а затем крепко сжал ее грудь, заставив Хейзел вскрикнуть и инстинктивно дернуться назад. Эйдан ужесточил хватку на ее талии и снова поцеловал, еще более глубоко и настойчиво. Из любопытства, Хейзел снова попыталась отодвинуться, и заметила, что хватка Эйдана немедленно стала еще жестче.

Интересно. Необходимость всё контролировать явно была его слабостью.

Тем не менее, Хейзел не была настроена сопротивляться по-настоящему, поэтому, отбросив притворство, вновь позволила себе раствориться в поцелуе. Она была мгновенно вознаграждена более мягкими, успокаивающими ласками, и, обхватив руками плечи Эйдана, подтянула его ближе к себе. Хейзел не заметила, как он избавился от своей одежды, но очень скоро почувствовала его горячую кожу своим телом. Открыв глаза, она увидела, что Эйдан тоже обнажен. Ощутила, как ее щеки вспыхнули, но ее сознание едва отметило это. Она была слишком зачарована его лицом.

Она не знала этого человека. Он был незнакомцем, и то малое количество информации, которым Хейзел владела, было только отрицательным. Прийти сюда, в его спальню, в его дом, не было ее выбором, поэтому она провела этот день, желая, чтобы он умер, или исчез, или что-нибудь еще – что угодно, что могло бы убрать его как можно дальше от нее. Только сейчас, воспламененная и сгорая от возбуждения, она впервые позволила себе заметить, что Эйдан красив.

Его глаза действительно были странного, абсолютно черного цвета, но это больше не пугало Хейзел. Она была очарована тем, как странно и экзотично они выглядели по сравнению с его бледной кожей. Слишком бледной, решила она. Всё в этом человеке было противоречиво, так как он всегда переходил из крайности в крайность. Он был ледяным при каждой их встрече до этого, но бурлящим страстью сейчас. Обращался с ней, как с мусором, но также подумал о том, чтобы зажечь свечи в попытке создать приятную романтическую атмосферу, и он всё еще продолжал ласкать ее, шепча успокаивающие вещи, призывая расслабиться.

Хейзел была сбита с толку, не зная, что и думать. Внешний вид Эйдана также был интригующим, создавая необычный контраст. Ей это нравилось. В этот момент, даже понимая, что именно страсть затуманивала ей сознание, она не видела в нём монстра. Кого-то доминирующего, холодного и расчетливого – да, но не уродливое существо, каким она его считала сначала. Идеальный предмет для рисования.

Легкий укус на левом соске заставил ее ахнуть и выгнуться в ответ, откинув голову на подушку. Эйдан подарил ей длинный чувственный поцелуй в шею, нежно погладил ногу, а затем прошептал:

– Ты делала это раньше?

Хейзел потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чём он спросил. Она была слишком сосредоточена на медленных, мягких поглаживаниях, которые Эйдан никак не прекращал. Его губы были так близко, что у нее закружилась голова – казалось, ее желание было таким сильным, что перекрывало все остальные ее чувства.

– Что? – наконец хрипло пробормотала она, и Эйдан понимающе усмехнулся.

– Я спросил, ты когда-нибудь была с кем-то? – повторил он. Хейзел нахмурилась и отвернулась на мгновение.

– Да. Однажды. Это было давно.

– Хорошо, – Эйдан наклонился вперед и провел языком по ее губам, вызывая тихий стон в ответ. – Если это было давно, мы должны это исправить, не так ли?

Прежде чем Хейзел смогла ответить, он крепко прижал обе ее руки к кровати, бедром развел ее ноги в стороны, прежде чем войти в нее, медленно, но настойчиво. Хейзел вскрикнула, чувствуя короткую вспышку боли, однако перед глазами всё почернело, когда Эйдан начал двигаться, скользя в нее жесткими, длинными толчками.

В этот момент она вообще перестала думать. Она могла только слушать свои чувства, а чувствовала она себя желанной. Нужной. По-настоящему принадлежавшей кому-то, чего она никогда не испытывала ранее. В первый раз всё было не в сравнении с тем, что происходило с ней сейчас. Хейзел не могла сдержать искренних стонов, обхватив ногами бедра Эйдана, инстинктивно пытаясь почувствовать его лучше, хоть это всё еще вызывало у нее небольшой дискомфорт. Она не могла пошевелить руками, так как Эйдан всё еще прижимал их к кровати слишком сильно, но даже это доставляло ей странное удовольствие. Опять из-за отсутствия выбора? Раньше она могла только представлять, каково было бы ощущать себя контролируемой кем-то. Теперь же... она знала.

Ощущения только усиливались под пристальным взглядом Эйдана, тем, как он наблюдал за каждой переменной, каждой вспышкой боли и удовольствия на ее лице. Разглядывая его через полузакрытые глаза, Хейзел чувственно провела языком по губам, гадая, какую реакцию это вызовет. Она не была уверена, чего хочет, пока не увидела вспышку чего-то дикого в глазах Эйдана. Его толчки ускорились, становясь всё сильнее и жестче, и тихие стоны вновь начали срываться с губ Хейзел. Когда она почувствовала, как зубы больно впиваются в ее плечо, она закричала, но это, казалось, только еще больше завело Эйдана. Он поочередно приносил то боль, то удовольствие, и это дарило Хейзел неопишемое ошеломляющее чувство, которое переполняло ее всё сильнее. Хейзел понимала только то, что хочет большего.

Вскоре, горячая волна накрыла ее с головой, на мгновение забрав ее способность дышать. Хейзел бессознательно приподняла бедра, услышав глубокий стон Эйдана. Он сделал несколько последних сильных толчков и замер. Хейзел все еще дрожала, когда почувствовала, как что-то горячее наполняет ее изнутри. Хватка Эйдана ослабла, и через мгновение он рухнул на нее, тяжело дыша. Нерешительно, Хейзел коснулась его темных волос и слегка погладила их, наслаждаясь тяжестью его тела. Странно, но даже сейчас, после всего, реальность не рухнула, как она того ожидала. Она снова могла мыслить рационально, и всё равно ни о чём не жалела. На самом деле, она даже была... довольна. Впервые, она испытывала ощущение полного удовлетворения, и это было странное чувство. Странное, но приятное.

Улыбаясь, Хейзел медленно погладила Эйдана по спине. Он прижался к ее шее, и тень блаженной улыбки коснулась его губ. Хейзел удивленно подняла брови, размышляя о том, действительно ли ее желание так тщательно размыло границы между отвращением и страстью, и не пожалееет ли она о своем порыве позже. Тем не менее, она не прекращала ласки, пока дыхание Эйдана не выровнялось, и ей хотелось задать миллион вопросов.

Наконец, Эйдан пришел в себя и сразу же скатился с нее. Несколько мгновений он лежал на боку, глядя в потолок, а затем повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– Что ты до сих пор здесь делаешь? – спросил он. Хейзел нахмурилась. Кто, черт возьми, может понять этого человека? Всего минуту назад он выглядел уязвимым, наслаждался ее объятиями, или, по крайней мере, Хейзел так чувствовала, а сейчас он снова холоден и отдален. Почему? Она не поддалась соблазну отвергнуть его, зная, чего это может стоить ей, так почему сам Эйдан испытывал нужду защищаться?

Хейзел пристально посмотрела на него, пытаясь увидеть хоть что-нибудь, в надежде что-то понять. Черты Эйдана были действительно потрясающе красивы, Хейзел была поражена, что она не заметила этого раньше.

Переполненная внезапным желанием запомнить их, она нежно коснулась лица Эйдана, очертив его подбородок.

– Я хочу нарисовать тебя, – прошептала она. Эйдан моргнул, явно озадаченный. На секунду Хейзел увидела в его глазах вспышку чего-то неузнаваемого, необычного, но к сожалению, она исчезла так же быстро, и его глаза снова стали холодными.

– Я думал, Тиффани объяснила тебе правила, – резко сказал Эйдан. – Никаких разговоров, никакого взаимного времяпровождения после секса. Не беспокоить меня дольше, чем необходимо. Я понимаю, что ты неопытна и не понимаешь, что такое секс – это было более, чем очевидно, но даже ты должна знать, что значит «закончить». Если же нет, то позволь, я тебе объясню: на сегодня всё. Мне больше не нужны твои услуги. Уходи.

Хейзел сердито сузила глаза, но отказалась поддаться на такую очевидную провокацию. Она собрала свою одежду и подошла к двери. Глубоко вздохнув, повернулась к Эйдану и улыбнулась.

– Спокойной ночи, – сказала она. Он удивленно поднял брови, фыркнул и отвернулся. Довольная, Хейзел вышла из комнаты.

За всю ночь она не сомкнула глаз – провела ее, стоя у окна, смотря в темноту и думая.

Она вовсе не была глупой. Она признавала тот факт, что удачный секс мог спутать ее приоритеты, заставляя ее чувствовать себя увлеченной, как любая впечатлительная девственница – или полу-девственница, как это было в ее случае. Поддаваться этому глупому, неожиданному вожделению было опасно, но по какой-то причине Хейзел не хотела останавливаться. Впервые, она начала чувствовать, что находится именно там, где должна, и что, возможно, всё не так уж и плохо, как она считала раньше.

Эйдан был не самым хорошим человеком. Он не был дружелюбным, его высокомерие и эгоизм поражали, но всё же, после моментов, которые они только что разделили, Хейзел думала, что под оберткой всё же может найтись что-то большее, чем казалось сначала. Сейчас она не верила, что Эйдан мог кого-то убить или изнасиловать, хотя она не могла быть уверена насчет принуждения. Она не знала, как такое откровение могло прийти так быстро, после одной ночи, но что-то в ней упивалось этим новообретенным знанием. То самое, что заставляло ее чувствовать эту странную тягу к нему.

Может быть, намерение добиться того, чего она хочет, и посмотреть, к чему это приведет, будет самой большой ошибкой в ее жизни, но, в любом случае, ей нечего терять. Ей придется провести здесь три долгих месяца, прежде чем она получит шанс вернуться домой, так что было много времени, чтобы выяснить, ошиблась ли она в Эйдане, и была ли ее ошибка на самом деле результатом ее наивности и влияния секса.

Хейзел вздохнула, рисуя пальцем маленькие фигурки на стекле. Она знала, что Эбигейл была бы рада увидеть, что она не сломалась, что ей удалось найти что-то приятное в ее нынешней ситуации. Она научила ее этому. Всегда искать что-то хорошее, наслаждаться каждым моментом счастья, которые она могла получить.

Хейзел хотела поговорить с ней. Обсудить всё. Посмеяться вместе. Хотя бы это.

Качая головой, она наконец отошла от окна и легла спать.

Может, она убьет двух зайцев одним выстрелом. Если она сумеет понравиться Эйдану, он, вероятно, позволит ей связаться с Эбигейл. Этого было достаточно, чтобы сделать Хейзел неумолимой в своих попытках завоевать его расположение.

Но это не было единственной причиной. Вовсе нет.

Глава 5

На следующее утро Хейзел не торопливо одевалась и заплетала волосы. В гардеробе было несколько разных платьев – явно дорогие, но отнюдь не новые. Хейзел полагала, что они были куплены для девушек, которые жили в этой комнате до нее. У Эйдана были деньги, но, возможно, он не хотел тратить их каждый раз на своих новых любовниц. У Хейзел не было проблем с тем, чтобы носить подержанную одежду, но зная, что она такая же, как и другие, и что Эйдан не видел в ней абсолютно ничего особенного, всё равно било по самооценке.

«Потрепанная», да?

Хейзел окинула своё отражение в зеркале последним критическим взглядом и поспешила выйти из комнаты. Она уже немного опоздала.

Она остановилась, когда увидела сидящего в кресле Эйдана с раздраженным выражением на лице. Брелари что-то говорил ему, не обращая внимания на его явное неодобрение.

– Доброе утро, – сказала Хейзел, садясь на свое место. Оба мужчины проигнорировали ее, даже не повернув головы, и Хейзел недовольно поджала губы.

Неужели было так трудно быть вежливым?

Тиффани, которая минуту назад пришла с подносом, бросила на нее ошеломленный взгляд. Хейзел пожалала плечами и взяла стакан молока.

– Блюдо из кролика для вас сегодня, – сообщила Тиффани Эйдану, протягивая ему тарелку мяса.

– Что? – его голос был настолько недоверчив, что Хейзел опустила стакан и с любопытством посмотрела на него. – Почему? Я не хочу кролика, особенно на завтрак!

– Ну, тогда ты должен был нормально съесть свой ужин. Но ты был слишком занят своими исследованиями, поэтому теперь тебе придется что-то съесть, чтобы восстановить силы, – объяснила Тиффани. Эйдан фыркнул.

– У меня достаточно сил. И мне нужно, чтобы ты перестала говорить, что мне делать. Я больше не ребенок!

Хейзел едва сдержала смех. Несмотря на то, что Эйдан был явно зол сейчас, его возмущение было забавным. И он только что сказал, что больше не ребенок? Значило ли это, что Тиффани принимала какое-то участие в его воспитании? Интересно. Нужно будет спросить ее позже.

– Просто съешь это, – Тиффани посмотрела на мужчину, мрачно скрестив руки. – Ты знаешь, что это для твоего же блага.

– Боже, я ненавижу эту фразу! – проворчал Эйдан, но взял вилку и нож. Бен тихо рассмеялся, наблюдая за ним с явным теплом, в то время как Тиффани двинулась на кухню с довольной улыбкой.

– Это всегда с тобой срабатывает, – сказал Бен, все еще улыбаясь. Эйдан пожал плечами.

– Я просто знаю, что лучше поесть, чем слушать ее причитания и жалобы до конца недели. Мне нужен порядок в моем доме, если я хочу продолжить свои исследования.

– А ты не можешь иметь порядок, не делая того, что она говорит тебе, – издевательски протянул Бен, но когда поймал грозный взгляд Эйдана, то усмехнулся и покачал головой. – Ладно, расслабься. Я тебе верю. Правда.

– Что ты сам должен делать, так это следить за тем, что говоришь, – сказал ему Эйдан, но в его голосе не было злобы. – И мне нужна твоя помощь. Приходи ко мне в кабинет попозже сегодня. Я хочу исследовать все мои предыдущие версии о том, как попасть в Место, и посмотреть, не просчитался ли я где-то.

– Почему бы и нет? Сегодня мне всё равно нечем заняться, – сказал Бен, наливая себе чашку чая.

– Хорошо. Мне нужно мнение скептика. – Эйдан быстро закончил завтрак и встал. – Увидимся позже.

Хейзел наблюдала затем, как он уходит, потом быстро взглянула на Брелари и сосредоточилась на еде. Она не чувствовала себя комфортно в его присутствии. Сначала она не была уверена, кто пугал ее больше: Эйдан или Бенджамин. Теперь же, то, что она чувствовала к Эйдану сейчас, можно было назвать опасением, или тревогой, но не страхом. Однозначно не страхом. Что касается Брелари... Хейзел не знала, почему, но при одном взгляде на него, она содрогалась. У нее не было никакого желания говорить с ним и видеть его дольше, чем необходимо.

Через несколько минут он тоже ушел, и Хейзел наконец расслабилась. Она закончила есть, собрала грязную посуду и отнесла ее на кухню.

– Мелани, почему ты... Хейзел! – Тиффани, казалось, была шокирована, увидев ее. – Ты не должна была этого делать, дорогая. Это не входит в твои обязанности.

– Это не сложно, – улыбнулась Хейзел и наклонила голову, рассматривая Тиффани. – Вам нужно что-нибудь еще?

– Нет, я уже почти закончила. Всем нужен отдых, верно?– женщина вымыла руки, вытерла их, и села на стул. – Но я бы хотела с тобой поговорить. У тебя найдется минутка?

– Конечно, – Хейзел тоже села, пристально глядя на Тиффани. У нее было чувство, что та хотела поговорить с ней еще во время завтрака, поэтому она не возражала. У нее тоже было несколько вопросов.

– О, Боже, – Тиффани тяжело вздохнула. – Я даже не знаю, с чего начать. Я уже говорила тебе, что ты мне нравишься – это правда. Ты очень милая девочка. Но я надеялась, что ты также умна. Я надеялась, что ты не сделаешь ошибок, которые сделали другие девушки, но я глубоко обеспокоена тем, что я увидел там, – Тиффани кивнула в сторону столовой.

– Какие ошибки? – Спросила Хейзел. – Вы обещали мне рассказать.

– Ладно, – Тиффани резко встала, подошла к шкафу, достала две чистые чашки и налила в них холодного чая. Хейзел вежливо поблагодарила ее и сделала глоток. Она не хотела пить, но видела, как огорчена была женщина. Очевидно, ей нужно было некоторое время, чтобы собраться с мыслями и поделиться ими с Хейзел.

– Хорошо, – повторила Тиффани. – Но ты не должна никому рассказывать об этом разговоре, Хейзел. Никогда. Эйдан будет в ярости, если узнает, и поверь, мы не хотим этого увидеть.

– Хм, – Хейзел задумчиво нахмурилась. – Это не первый раз, когда вы говорите так, будто боитесь его. Но я этого не понимаю. Вы его любите и я верю, что он тоже любит вас. Иначе он бы не стал вас слушать.

– Да, – нежно улыбнулась Тиффани, – я думаю об Эйдане, как о своем сыне. Я знаю, что он любит меня. Он также любит Бена, но Господи, этот мальчик непредсказуем и вспыльчив! Кто знает, что ему взбредет в голову. Я знаю его с самого детства, и то, как он удивлял меня все эти годы, не всегда было приятным. Я бы сказала, что было больше пугающих моментов, чем приятных, но я научилась принимать Эйдана, таким, каким он есть. А как же иначе? Я практически вырастила его, – Тиффани улыбалась такой ностальгической улыбкой, что Хейзел захотелось увидеть всё своими глазами. Маленький, непослушный Эйдан? Она хотела бы разделить воспоминания Тиффани.

– Вы собирались рассказать мне о других девушках, – напомнила она. Улыбка исчезла с лица Тиффани.

– О, да. Другие. Как я уже сказала, я научилась принимать Эйдана таким, какой он есть... но обычно, большинство людей этого не делают. Те девушки, что были здесь до тебя... я разделила их на три группы. Первая – самая лучшая. Она состоит из тихих, послушных девушек, которые делают то, что им говорят и никогда не нарушают никаких правил. Они проводят здесь

несколько месяцев, потом уходят, как им и было обещано. С ними нет проблем, с ними легко, как и хочет Эйдан.

Тиффани оставилась на свою чашку, глубоко погруженная в мысли.

– Затем вторая группа... самая маленькая и опасная. Эти девушки готовы на всё, лишь бы получить шанс избавиться от Эйдана. Им нечего терять. Некоторые из них думали, что могут получить деньги и дом после его смерти. Они были достаточно глупы, чтобы поверить, что если они притворятся, что любят его, Эйдан подпустит их ближе, а когда он умрет, мы все пожалеем их и предложим им остаться в Доунфэйр Буш.

– Невероятно – снова нахмурилась Хейзел. – Как будто в его смерти заподозрили бы кого-то еще. Что сделал Эйдан?

– Он выбросил большинство из них на улицу. Одну из них он... – Тиффани неловко замялась. – Он убил одну из девушек.

– Что? – Хейзел отшатнулась. – Он сам кого-то убил?

– Что такого удивительного? Тебе же уже говорили об этом, – Тиффани пожала плечами. – Я не согласна с его варварскими методами, но я его понимаю. Эйдан ненавидит предательство. Так, как его семья жила... скажем, то, как он думает, иногда нетрадиционно.

– А что насчет его семьи? – Хейзел наострила уши. – У него были плохие родители?

– Ну, не самые худшие, но и не самые лучшие. В любом случае, это не имеет значения, – Тиффани покачала головой. – Я рассказывала тебе о второй группе. Некоторые девушки притворялись, что влюблены в Эйдана, только чтобы потом убить его. Некоторые из них не опустились так низко. Они просто хотели отомстить и не притворялись. Они пытались навредить Эйдану каждый раз, и одной из них почти удалось убить его. Бен позаботился о ней, и он был в ярости. Даже я испугалась той ночью... – голос Тиффани задрожал.

Через несколько мгновений она продолжила:

– Итак, самая легкая и опасная группы. Есть третья... самая глупая. По правде говоря, когда я впервые увидела тебя, я боялась, что ты присоединишься ко второй группе, – Тиффани обеспокоенно посмотрела на Хейзел. – Но теперь я понимаю, что ошибалась. Ты явно принадлежишь к третьей, Хейзел, дорогая. Эти бедные девочки на самом деле влюбились в Эйдана и надеялись, что он ответит на их чувства. Конечно, этого никогда не происходило. Эйдан презирал их, насмеялся над ними и оставлял их с разбитым сердцем. Они надеялись, что в конце концов он попросит их остаться, но он этого никогда не делал. Он обращался с ними хуже, чем с теми, кто пытался его убить. Не могу поверить, что ты купилась на это, как и они, Хейзел. После одной ночи! Я никогда в это не поверю!

– Это смешно, – Хейзел раздраженно вздохнула. – Я не влюблена в него.

– Я видела, как ты на него смотришь, – возразила Тиффани и с сочувствием взяла ее за руку. – Я должна предупредить тебя, что это безнадежно. Все вы думаете, что вы особенные, что именно вы завоюете его сердце, но этого не произойдет. Эйдан просто не такой. Боюсь, он даже не способен на такие чувства. Он прожил 33 года и до сих пор не испытал ни малейшего интереса к кому-либо. Кроме сексуального, конечно, – Тиффани застенчиво улыбнулась. – Это говорит о многом. Пожалуйста, дорогая, подумай хорошенько о том, что ты делаешь с собой. Ты очень хорошая девочка. Ты не заслуживаешь его холодности и жестокости.

– Вы не понимаете. Я *не* влюблена в него, – медленно повторила Хейзел, одергивая свою руку. – Как я могу? Я его даже не знаю. Но я бы хотела, потому что... я кое-что заметила в нем. Я не знаю, что это, но думаю, что это стоит узнать. Сначала я его боялась, – Хейзел слегка улыбнулась, вспоминая свою первую реакцию на встречу с Эйданом. – Он мне не понравился. Я всё еще не понимаю многого, и он не тот, кого я бы назвала порядочным. Будет нелегко узнать его, но мне всё равно здесь нечем заняться. Я готова попробовать, скорее из любопытства, чем из каких-то глубоких чувств. Мне интересно посмотреть, что заставляет его воздерживаться от

эмоциональной привязанности к кому-либо. Потому что вчера я почувствовала, что он хочет привязанности. Близости. Я не знаю, что заставляет его отрицать это.

– О, – Тиффани смотрела на нее в замешательстве, разинув рот. – Это... необычно. Я никогда не слышала, чтобы кто-то говорил мне что-то подобное об Эйдане. Девушки обычно влюбляются в его красивое лицо и его опасную ауру, понимаешь? Они думают, что это игра. Что они могут превратить его в другого человека. В кого-то открытого, заботливого, спокойного. Когда они терпят неудачу, они чувствуют себя раздавленными, а Эйдан только смеется над ними. Поверь мне, мне пришлось вытереть много слез с лиц этих бедных малышей, – Тиффани потерла глаза, вероятно, вспоминая, как тяжело это было каждый раз.

– Ну, я сомневаюсь, что они действительно любили его, – сказала Хейзел. – Невозможно любить кого-то, о ком ты ничего не знаешь. Может быть, чувствовать какую-то связь с ним, что-то особенное, но любить? Мне так не кажется. Кроме того, это не любовь, если они хотят превратить его в того, кем он не является. Конечно, хочется, чтобы человек, которого ты любишь, изменился к лучшему, но стать кем-то другим полностью? Нет.

Тиффани пристально смотрела на нее.

– Что? – спросила Хейзел, внезапно смутившись. Она слишком заболталась? Тот факт, что Эбигейл всегда хотела услышать всё, что она хотела сказать, не означал, что остальные хотели того же.

– Ты интересный человек, – наконец сказала Тиффани, снова улыбаясь. – Я хочу надеяться, что ты не повторишь ошибок этих девочек. Если ты действительно заинтересована в Эйдане, может, тебе стоит попытаться узнать его получше. Но, пожалуйста, будь осторожна. Как я уже говорила, он не монстр, но он может быть жестоким и опасным. В этом мальчике есть что-то темное, и, хотя я обычно не сдерживаюсь с ним, я стараюсь не заходить слишком далеко, потому что последствия могут быть серьезными.

– Обещаю быть осторожной, – Хейзел нежно коснулась ее руки. – Спасибо, что поделилась этой информацией о нём. Я ценю это.

Подарив Тиффани последнюю благодарную улыбку, Хейзел встала и медленно вышла из кухни.

Она не была уверена, почему вдруг чувствовала себя такой заинтересованной в Эйдане, но по какой-то причине, он ее интриговал. Она хотела узнать настоящего человека, того, кто стоял за образом, который он себе создал.

Однако ей придется действовать осторожно, если у нее вообще есть хоть какой-то шанс на успех.

– Здесь так красиво, не правда ли? – тихо спросил Эйдан, осматривая небольшой парк с густо посаженными деревьями. Бен кивнул.

– Да. Вот почему я вытащил тебя на прогулку. Ты проводишь так много времени в своем кабинете, что часто забываешь, как красиво это место и за что ты его любишь.

Эйдан не ответил, а лишь слегка улыбнулся. Он ненавидел, когда Бенджамин пытался читать ему лекции, но в данном случае он знал, что его друг прав. В прошлом месяце он был снаружи только один раз, поздно ночью, когда хотел подумать о том, что похоронил много лет назад. Свежий морозный воздух всегда помогал ему, а ночью он мог быть уверен, что его никто не побеспокоит.

Доунфэйр Буш был его мечтой с детства. Его семья никогда не пользовалась этим местом, поэтому его продали, когда Эйдану было семь лет. Эйдан много читал об этом в их семейных хрониках, и, хотя он посетил его только один раз, этого было достаточно, чтобы мгновенно в него влюбиться. Он протестовал в течение нескольких месяцев после того, как родители сооб-

щили, что это место больше не принадлежит им, но когда понял, что все его просьбы напрасны, перестал задавать вопросы и пообещал себе, что когда станет взрослым, то выкупит его, на этот раз только для себя. В возрасте двадцати трех лет он это сделал. К тому времени он уже покинул дом, где провел свое детство. У него было достаточно денег, чтобы прокормить себя, и он не чувствовал желания оставаться там дольше, чем нужно. Книга, которую он опубликовал, его пятая, наконец принесла ему небольшое состояние, и вместе с деньгами, которые зарабатывал Бенджамин, они могли позволить себе почти всё. Их было недостаточно, чтобы продержаться несколько лет, но это было хорошее начало. Эйдан взял с собой Бенджамина и Тиффани, оставив умирающую мать, и больше туда не возвращался, даже на ее похороны.

Бенджамин ничего не сказал, но Эйдан знал, что он не одобрял его решение разорвать все связи. Возможно, даже ненавидел его.

Иногда Эйдан тоже ненавидел себя за это, но он редко об этом думал. Когда он ушел из дома, он ни разу не оглянулся. Та часть его жизни закончилась.

– Так что с твоими предыдущими версиями о Месте? Ты сказал, что хочешь обсудить их со мной, – напомнил Бен, отвлекая Эйдана от своих мыслей. Эйдан кивнул, затем указал на другую сторону парка и предложил:

– Пойдем туда. Давно мы там не были.

Бен вздохнул, покачал головой, но всё же неохотно последовал за ним. Эйдан знал, о чём он думает. Вероятно, гадал, кем же Эйдан являлся: хладнокровным, равнодушным ублюдком или мазохистом, который любил мучить себя, заставляя себя переживать самые ужасные моменты своей жизни.

Эйдан надеялся, что Бенджамин склонялся к первому варианту.

– Арбатнот написал несколько предложений, которые я считаю самыми важными во всей его работе, – начал Эйдан. Вздоргнув от ветра, он запахнув пальто. – Черт. Я не помню более холодной осени. В любом случае, Арбатнот упомянул такие фразы, как *полу-постоянство, определитель времени, время первично, цель вторична, всё остальное не имеет значения*. Они все кажутся такими простыми, но могут означать всё, о чём только можно подумать. Моя первая версия заключалась в том, что он говорил о снах. Сны – довольно интересная тема, так как люди ничего о них не знают. Может быть, чтобы получить право войти в Место, всё, что нужно, это погрузиться в состояние сна? Я два года изучал осознанные сны. Перевел книгу Эрви де Сент-Дениса о них, провел собственное исследование, но в конце концов, я зашел в тупик. Исчерпал все свои ресурсы, – Эйдан раздраженно покачал головой.

– Поэтому мне пришлось отложить эту версию и сосредоточиться на другой. Следующее, что я попытался исследовать, было коматозное состояние. Это более вероятная версия, но ее трудно проверить, так как я не знаю точно, как выйти из этого состояния, если уж в него попасть. Затем...

– Эйдан, послушай, – перебил его Бенджамин. – Я знаю, что ты делаешь. Я думаю, мы оба знаем.

Эйдан недовольно посмотрел на него.

– Да, потому что это так трудно понять, – протянул он. – Я знаю, что сама концепция «разговора» для тебя затруднительна, но...

– Я не это имел в виду, и ты это знаешь.

– Перестань перебивать, – Эйдан свирепо посмотрел на него. – Клянусь, Бенджамин, иногда я задаюсь вопросом, зачем я вообще с тобой связываюсь. Ты не умеешь слушать!

– Это неправда, – повысил голос Бен, – я просто устал слушать одну и ту же историю снова и снова. Я знаю, Эйдан! Я знаю всё о твоих попытках и исследованиях. Я был с тобой, помнишь? Я даже помог тебе достать эту чертову книгу про осознанные сны! Что мне трудно понять, так это твою неспособность взглянуть правде в глаза. Ты говоришь, что твоя первая версия была о снах? Это ложь. Было только одно, о чём мы оба подумали после того, как

прочитали о "полу-состоянии", о котором упомянул Арбатнот. Кома, да, но также клиническая смерть.

Лицо Эйдана тут же превратилось в каменную маску, и Бенджамин схватил его за руку.

– Что еще имеет смысл, Эйдан? Это как в поэме Данте. Вот почему после пяти лет ты, наконец, начал разыскивать всю информацию об аде. В глубине души ты знаешь, что нужно почти умереть, чтобы *возможно* получить шанс испытать то, что Арбатнот, по его словам, сделал. Кома – тяжелое и опасное состояние, а клиническая смерть? Почти невозможно достичь её, а затем вернуться. Ты это знаешь. Ты это знал с самого начала, но притворяешься, что это не так. И знаешь почему?

– Умираю от нетерпения услышать, – с сарказмом произнес Эйдан. Бенджамин, как обычно, проигнорировал его тон.

– Как я сказал несколько дней назад, тебе это не нужно. Совсем. Что тебе нужно, так это крестовый поход. Что-то таинственное, что-то сложное, что-то, на что можно потратить годы в попытках осуществить. Ты намеренно выбрал эту историю про "путешествие в ад" и начал копать, убеждая себя, что это то, чего ты действительно хочешь. И всё же, если бы это действительно было так, ты бы попробовал клиническую смерть много лет назад. Ты не боишься умереть, но не видишь смысла делать это без достойной причины.

– Достойной причины? – спросил Эйдан низким, зловещим голосом, пристально глядя на Бена. – Ты думаешь, что я дурак, который продолжает лгать сам себе? Потому что я... настолько жалок, что не могу найти другого смысла жизни? Чего-нибудь более полезного?

– Почему же, – Бен мягко улыбнулся ему, разлив его еще больше. – Ты выбрал самый совершенный смысл, Эйдан. Что-то едва осуществимое, но очень информативное. Ты любишь узнавать новое, я знаю. А почему ты продолжаешь притворяться... ты уже зашел слишком далеко. Признать, что ты этого уже не хочешь, всё равно, что признать поражение. Признать, что потратил *годы* на то, что тебе даже не нужно. Признать, – Бен кивнул на четыре могилы перед ними, – что всё это было напрасно.

Эйдан ничего не ответил. Он почувствовал, что Бен медленно уходит от него, вероятно, направляясь обратно к дому.

Он не двигался. Просто стоял там, глядя на могилы, глубоко задумавшись.

Глава 6

Следующая неделя казалась невыносимо долгой. Хейзел бродила по дому, изучала многочисленные картины, помогала Тиффани на кухне и разговаривала с Мелани. Ночью она ходила в комнату Эйдана, где они занимались сексом, и всё. Ничего больше. Если бы Хейзел разрешили выйти на улицу, всё могло бы быть немного интереснее, но согласно этим глупым правилам, у нее не было другого выбора, кроме как остаться в доме. Ей было скучно до смерти.

Она попросила Тиффани отправить письмо ее бабушке, чтобы та знала, что с Хейзел все в порядке, но Тиффани отказалась, хоть и неохотно. Тиффани, вероятно, чувствовала, что она не в том положении, чтобы просить Эйдана о чём-то личном, даже если по мелочи, и Хейзел не могла не злиться на ее лицемерие. Как будто Эйдану нужно было всё рассказывать! Тиффани сама задавала много вопросов об Эбигейл, жалела их обеих, обещала молиться каждый день, но на деле, отказывала в реальной помощи.

После этого Хейзел перестала часто приходиться на кухню. Всё чаще она стояла перед дверью кабинета Эйдана, и всё в ней дрожало от желания постучать, войти внутрь... чтобы поговорить. По-настоящему, а не так, как они это делали в постели. Эйдан был опытным любовником, он мог чувствовать партнера каждой клеточкой своего тела. Он знал, как ласкать, как целовать, что успокаивающе шептать ей, когда отпустить, а когда проявить жесткость. Но в то же время, он всегда был более грубым, более настойчивым, чем это было необходимо, и Хейзел была озадачена этим. Возможно, Эйдан думал, что таким образом демонстрировал свой

контроль над ней, но он был неправ, если считал, что это пугало или подавляло ее. Напротив, Хейзел наслаждалась всем, что он мог ей дать, иногда даже больше, чем она сама могла понять. Она не была уверена, знал ли Эйдан об этом. Он был проницателен, поэтому, должно быть, заметил, что их бурный секс делал Хейзел такой же необузданной, но было похоже, что он не верил, что ей действительно настолько нравится. Как будто он *хотел* не верить этому.

Ну, размышляла Хейзел, он мог продолжать верить во что угодно. Пока. Пока она не будет уверена, что у *нее* есть власть, по крайней мере, в какой-то степени.

Теперь, вновь стоя перед дверью кабинета, она сомневалась, должна ли она постучать, как она всегда того хотела, или уйти, как она всегда делала. Тиффани постоянно предупреждала ее не беспокоить Эйдана, но что она знала? Как Хейзел должна была узнать его, если вела себя так, будто боялась его? Что он мог с ней сделать? Что-то в нём было темным, Тиффани была права, но по какой-то причине, Хейзел не чувствовала страха. Может быть, это было наивно и неправильно, может быть, она пожалеет об этом, но, по крайней мере, сейчас она чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы попытаться. Сделать первый шаг, который она себе обещала.

Хейзел глубоко вздохнула и выпрямила плечи. Ее сердце билось как сумасшедшее.

– Раз-два-три, вот дерево, смотри, – пробормотала она. – Я заберусь на него, не буду видеть никого. Я спрячусь в листве, буду греться под солнцем, и каждый, кто поднимет голову, тут же отвернется.

Удивительно, как может помочь какая-то глупая детская поговорка. Хейзел почувствовала волну благодарности к своей бабушке, которая помогла ей придумать ее много лет назад. Кто бы мог знать, как она ей понадобится?

Вернув себе силы и уверенность, она постучала в дверь.

– Да, — тут же ответил голос Эйдана. Хейзел задержалась, нервно прикусила губу и вошла в комнату. Брови Эйдана поднялись, когда он увидел ее.

– Ты? – удивленно спросил он. – Что ты хочешь?

О, черт побери, внутренне застонала Хейзел. Она даже не придумала какую-то причину, чтобы объяснить свой визит. Насколько это было глупо? Она так долго хотела зайти и не придумала правдоподобного оправдания?

– Я... я просто хотела кое-что спросить, – проговорила она. Эйдан встал, явно раздраженный.

– Я не знаю, что с тобой не так, – прошипел он, – но я ясно помню, что просил тебя не приходить ко мне, пока я не позову. Ты что, совершенно безмозгла?

Что? И она хотела узнать этого человека?

– А ты просто грубиян! – выплюнула Хейзел. Ее голос повысился. Теперь она не была уверена, что прийти сюда было хорошей идеей. – Подобное пресекает все грани грубости – ты явно совершенно ничего не знаешь о манерах! Тот, кто сказал тебе, что быть надменным в моде, солгал. Это просто смешно! Ты думаешь, что жить в прекрасном месте, полном дорогих вещей, достаточно, чтобы принадлежать высшему обществу? Это не так!

Эйдан засмеялся и закатил глаза.

– Ты говоришь почти как Бен. Хуже, чем он, потому что он хотя бы знает, о чем говорит. За кого ты себя принимаешь? Никто из ниоткуда, хороша только для одной вещи. И ты думаешь, я буду слушать всю эту чушь, что ты несешь? Ты бредишь. Кроме того, – Эйдан холодно улыбнулся. – Меня не волнует высшее общество или люди в целом. Я отвечаю только перед собой, поэтому веду себя так, как хочу себя вести. В этом нет ничего неправильного. Тебе же с самого начала сообщили правила. Ты должна понимать, что за их нарушение ты будешь наказана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.